

НАШЕ СЛОВО

Орган Республиканско-
Демократического
Об'единения

СОДЕРЖАНИЕ № 9

1. П. Миллюков — Человек из народа.
(Памяти Т. Г. Масарика.)
2. П. Миллюков — Международное положение в начале 1938 г.
3. В. Попов — Сталинские выборы и внутренняя политика в СССР.
4. А. Марков — Кризис промышленности в СССР.
5. Ек. Кускова — Цели и средства социализма.
6. А. Александров — К вопросу об «едином» и «национальном» фронтах.
7. Д. Мейснер — «Герои» и «халупники».
(об эмигрантском активизме)
8. В. Сперанский — Герцен, как политический мыслитель.
9. А. Дмитриев — Из беженцев — в эмигранты.
10. Хроника.

Самый известный ресторан в Париже

„Chez KORNILOFF“

Завтраки, обеды. — Русская и франц. кухня
Принимает заказы на банкеты в ресторане и на дому.
6, rue d'Armailié (Etoile, av. Carnot)
Tél.: Etoile 52-49

РУССКАЯ

МОЛОЧНАЯ ФЕРМА Т-ВА ИВАНОВЫХ

всегда свежие: йогурт, кефир, творог,
сметана, сливки и масло.

9, rue Lakanal — Paris XV

Métro : Commerce. Autobus : Y, Z
Tél. : Vaugirard 63-66

Любителям хорошего кофе

рекомендуется замечательное по вкусу
и аромату

КОФЕ-ИНДАР

27, Av. de Ceinture, Enghien

Tél. Enghien 441

ЛЮБИТЕЛИ ХОРОШОГО ЧАЯ

пейте известный по
своему вкусу,
аромату и настою

ЧАЙ

„ИНДАР“

Продажа во всех русских магазинах

Отправка в провинцию

Thé « Indar »

27, Av. de Ceinture, Enghien

Tél. : Enghien 441

РУССКАЯ ТИПОГРАФИЯ

IMPRIMERIE D'ART F. R.
77, RUE MOUTON-DUVERNET
PARIS 14e — SUFFR. 28-74

Alimentation
Générale,

DIGOUSSAR

PRODUITS FRANÇAIS & ÉTRANGERS

44, rue de l'Assomption, Paris 16e — Téléphone: Jasmin 48-75

Man spricht deutsch

Ouvert le lundi - Livraison à domicile

Englisch spoken

ОПТОВО - РОЗНИЧНЫЙ КОЛБАСНЫЙ И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ МАГАЗИН

И. РОСТОВЦЕВ

Большой выбор всевозможных русских продуктов: икра свежая, паюсная, кетовая, семга,
грибы маринованные и сухие, огурцы, жирные, малосольные сельди, маслины, разные сыры,
брынза, шпроты, кильки, русские консервы, сардины, разнообразные колбасы, всевозмож-
ные крупы, водки, наливки, рябиновка. Отправка в провинцию и за границу.

28, Rue de la Reine Blanche - PARIS (13e)

Métro : Gobelins

Tél. : Gobelins 23-08

П. МИЛЮКОВ

Человек из народа

(Памяти Т. Г. Масарика)

Вознесенный на высоту первозразрядного исторического деятеля в один из важнейших моментов истории своего народа, первый «президент-освободитель» Чехословакии Т. Г. Масарик перейдет в мировую историю в ореоле творца и создателя, одного из героев великой эпохи. С скромное начало этого большого итога жизни, естественно, остается в тени. Масарика изучали и будут изучать, как учителя своего поколения, как славянина, давшего национальному вопросу новое направление. Обо всем этом уже и теперь имеется целая литература. Но через весь этот богатейший материал проходит, по необходимости, одна основная черта: Масарик — сын своего народа. Это — та органическая почва, на которой выросла историческая личность. Как бы высоко ни поднимался над чародейной массой этот национальный герой, корни его уходят глубоко в народное прошлое и настоящее. Можно даже сказать, что именно стоя на этой основе он и мог подняться так высоко. В этой — и только в этой, связи Масарик — цельный человек, со всем богатым разнообразием человеческой натуры. История и современность выделили из этого сложного человеческого комплекса то, что им было нужно для текущей минуты. Но к нему необходимо вернуться, чтобы дать этой личности объяснение, которого не могут дать торжественные речи и официальные документы. Первой отличительной чертой при таком объяснении является удивительная классическая простота и естественность, сохраненные Масарином до конца жизни — до его могилы на убогом сельском кладбище. И эту черту нельзя объяснить, забывши, что Масарик был и остался сыном своего народа. Этой необходимой темой мы и займемся.

Общезвестно, что Масарик родился в мелкой крестьянской семье, в словацкой глуши. «Я люблю деревню больше города», говорил Масарик Чапеку, лучшему из своих биографов. Понятно — это предпочтение в будущем политисторе. Крестьянский мальчик — не то, что городской. Он поставлен к природе лицом; его первые реакции на жизнь суть действия, проявления воли к управлению окружающей природой.

Он обязан знать все, что его окружает: дут и

поле, домашние и дикие растения и животных, должен помогать в хозяйстве, быть отцовским секретарем и бухгалтером. Отец простой конюх в императорской латифундии; приехав впоследствии в Прагу к сыну-профессору, он больше всего интересуется тем, какова упряжка в городских экипажах и какие колеса. Его грамотность очень сомнительна. Верховодит всем в семействе мать, женщина умная и бывалая. По профессии она кухарка, но служила в мелкой дворянской семье и шила по этому поводу, что возвращается «в хорошем обществе». Она и троих своих детей хотела подвизать над своим кругом — и для этого решила отдать одиннадцатилетнего Томаса в сельскую школу. Подготовки у него не было никакой. От отца Масарик мог научиться народным песням, а от матери зеренять народные суеверия. Она серьезно верила, что какая-нибудь из двух вельм, полуценная или сумеречная, может похитить мальчика, и его этим пугала. Религиозные по традиции, родители, однако, в церкви почти никогда не бывали. В школе учитель католический священник — мог научить ребенка лишь обрядовой вере и, конечно, преклонению перед католичеством.

Таким образом, только благодаря собственным усилиям, кругозор мальчика мог расширяться — с трудом и понемногу. Потихоньку от всех он как то забрел в протестантскую церковь — и был поражен тем, что Бог его не убил, как ему грозили, он слышал похвалы кальвинистам. Узнал, что существует какая-то «православная» вера — и удивился: а разве «наша» (католическая) вера не православная? Во всяком случае, он пришел к выводу, что «церковь» — это одно, а «вера» — это совсем другое. Позднее он признал, что и церковная догма есть нечто отличное от религиозного личного опыта.

Едва ли не больше вопросов неры задел его за живое с детства социальный вопрос. В сторожку отца приезжали из Вены благородные охотники, в дорогих мехах, в хороших венгерских костюмах. Отец подавал им вкусный обед, а объедки выбрасывались крестьянам. В императорских поместьях даже и после революции 1849 г. сохранялись крепостные отношения. Масарику тяжело было видеть

отца в униженной роли слуги знатных господ, и хотелось изорвать дорожное платье. Так, он уже отсюда вынес чувство ненависти к проявлениям социального неравенства. И по национальному вопросу детские впечатления отлагали в душе у мальчишки определенный осадок. Он шутя говорил потом, что понял, что такое национальные споры, благодаря дракам мальчишек соседних деревень из-за того, что будет в праздник знонить в колокола: словаки или «ганакки». В частности, по еврейскому вопросу будущий защитник Гильзнера разделял уверенность матери, что евреи в самом деле употребляют христианскую кровь.

В начальной школе Масарик шел впереди сверстников; но по возрасту он не мог поступить в учительскую семинарию, и его на время отдали в науку к кузнецу. Так, он из крестьянина превратился в рабочего — и очень гордился впоследствии тем, что из куска раскаленного железа мог в один прием сковать хороший гвоздь. Сам Толстой, по его воспоминаниям, заметил ему: «з вас — рабочие руки». В кузнице работа шла двадцать часов в день, с трех часов утра до одиннадцати вечера. Ковка лошадей и починка плугов составляли главное занятие. Это не было упражнением для занятия досуга.

Из такого положения выручил Масарика ставший учителем фортепиано, увидавший случайно, как его бывший ученик, несъёмный сажей таскал тяжелые ведра из реки в кузницу. Он перетаскивал ведро из кузницы религиотом в учительскую семинарию... Дальше уже дело воспитания и самовоспитания — пошло легче, «Лев остается львом и в клетке; его нельзя превратить в осла», говаривал потом Масарик — конечно, не относя этого к себе самому. Выход из школы к свету дала ему книга. «С детства (8—10 лет) и до сих пор (на склоне лет), вспоминает Масарик «я был ненасытным читателем». Чтобы расширить возможности чтения, он мало по малу научился языкам: немецкому, французскому, русскому. Английский и итальянский он узнал позже. В этом знании языков Масарик видел путь к познанию «души» других народов — и особенно ценил в этом отношении «поэтов-мыслителей». «Гете интересовал меня не менее Канта — и даже больше. . . Поэты не меньше философов думают о задачах жизни, но мысль их более конкретна. . . Если мы хотим узнать дух иностранных наций, то вернейший путь к этому познанию — искусство». Отсюда — практический вывод: «если я не знаю языка чужой страны, я не чувствую себя в ней дома. Вот почему я намеренно путешествовал только в тех странах, где мог говорить с народом на его собственном языке». Он «говорил с народом» и в России.

«Говорить с народом» . . . Это объясняет почему, ставши, в результате чтения, европейцем и западником, Масарик не утрачивал, а укреплял связи с народом, делал их только более сознательными. Эти связи открылись ему в истории и в религио-

зной традиции народа, которую «напрасно пренебрегают интеллигентны». Надо связаться с «душой народа», а в ней «религия играет главную роль». Вот почему, уже сделавшись доктором философии в Лейпциге (1876), Масарик обращается к изучению чешской истории и богословия. В народной религии он ищет культурных элементов, имеющих европейское и мировое значение. Характерным образом, это расширение кругозора совпало у него с отказом от определенной положительной религии. «Главным событием в те годы (1876—1878, в Венском университете) была для меня потеря веры в католическую церковь». Мне вспоминается по этому поводу два-сильные Шиллера:

Какой вы религии? Ответ: никакой.
Почему? Ответ: ради религии.

Религиозный перелом совпал у Масарика с жемчужбой на американке Шарлотте Гарри, отец которой был потомком гугенотов, а чать происходила от пуританских пионеров Западной Америки. Тогда же Масарик погрузился в изучение истории протестантизма с его вариантами в разных странах. Он связал, таким образом, уважение к протестантскому принципу свободы человеческой личности с своим всегдашним уважением к универсализму и организаторской силе католичества.

Дальнейшим шагом в том же направлении было то, исключительно важное для Масарика обстоятельство, что в самой чешской национально-религиозной традиции он нашел элементы гуманизма и всемирности. Он начал с другого конца: с борьбы против узкого национализма старых чехов, горячо напавши на подлинность древних преданий о чешской истории, воспроизведенных искусственно в так наз. Крадеворской рукописи. Втянутый полуневольно в научный спор о фальсификации древности, он перечитал массу исторического материала. Вот результат этого чтения: «через спор о рукописях мне пришлось узнать историю нашего движения к национальному возрождению». Эта находка имела огромное значение при окончательной установке мировоззрения Масарика. Он сам признает это. «Точкой отправления и моей философией и моей политикой», вспоминает он, «являлась чешская реформация, потому что, по моему, она была прежде всего моральным и религиозным движением, а не богословским». Развертывая эту арпадину нить, Масарик отбросил попутно и протестантскую «догму». «То, чего я не могу принять разумом, я не могу принять также и верой». Отбросив одну опору, он это приобрел другую. «Основав свою философию на чешской реформации, я поставил родную чешскую культуру на место древней славянской культуры, выдуманной националистами». Так исток национальной «миссии» освобождался от узкого национализма.

Отсюда, наконец, открылся естественный переход от философии, которую Масарик всегда попи-

мал, как «конкретную» и «практическую», — к политике. «Моем политическим учителем был Палацкий; моя гуманитарная программа основана на его учении. В произведениях Палацкого я нашел разумно-философское оправдание его члонитической программы, вместе с его пониманием чешского вопроса и оценкой чешских реформаторов и гуманитарного идеала. Национальные и интернациональные элементы здесь переплетаются окончательно, и связь эта выводится из истории чешского народного духа.

С этой точки зрения Масарику важно подчеркнуть, что в лице Гуса «чешская» нация *первая* осуществила религиозную реформацию». В Гусе он видит, с другой стороны, своего предшественника, который уже поставил мораль выше догмы. Гус был первым епископом чешских братьев, он стремился к единению церкви, гармонически сливая элементы национальный и международный. Гус, а за ним Штитный, открывают целый ряд героев чешской культуры, который тянется до нашего времени. Хельчицкий, Амос Коменский, потом Добровский, Коллар, Палацкий, Гавличек — вот звенья этого ряда. Последнему в ряду, Гавличку, Масарик посвятил целую книгу: он был поражен, найдя, что Гавличек «уже написал почти все, что я (Масарик) хотел сказать в области политики.» И для Гавличка «прошлое не было только историей; современность должна была являться развитием той славной эпохи. То, что он считал великим в прошлом, должно быть было руководящим и в настоящем». Это было «евангельское христианство».

Чешские историки-специалисты возражали против этой чересчур стройной схемы. Они утверждали, что непрерывной хронологической связи тут не было, что новое чешское Возрождение резко отделено от старого; что Гус был не один, он окружен был целой сетью влияний, не только религиозных. Гуситская традиция была прервана лютеранской, гораздо более узкой: «тут трехсотлетний перерыв», признавал и сам Масарик. После Белгородского погрома (1620) наступил полный упадок. Но Масарик возражал историкам: «я не против истории, а против историзма». Прошлое не есть решающий аргумент: в нем есть и хорошее и дурное. . . Всегда что-то меняется и развивается: пусть историки скажут, что-же такое это что-то. Для Масарики, это было единство внутреннего опыта, замаявшее внешнюю хронологическую связь. Исторические зигзаги для него были не важны.

Но что лежало в основе этих неутомимых поисков в прошлом? Я уже сказал: это была потребность, поднимаясь до интеллектуальной элиты, разрывая связь с формализмом церкви, отделяя веру от церкви и догмы, все же сохранить связь с народом, с народной душой. Отсюда — подозрительность Масарики к чистому интеллектуализму. Уже относительно своих предшественников, чешских интеллигентов сороковых и шестидесятых годов, Масарик делает оговорку. Они — демократы, но «демократия» есть

понятие **политическое**, могущее охватывать и высшие классы. Это понятие **теснее** понятия «народа» (lid, lidstvo), понятие **социального**, охватывающего вместе с верхами также и народные низы. Именно к этим «низам» Масарик чувствовал себя ближе. В Вене «чехами» считали себя преимущественно рабочие, чехи-чиновники разных министерств уже составляли «привилегированный круг», куда Масарик не был вхож, по своему происхождению. До перехода в Прагу он знал Чехию лишь по книгам, по «литературе и истории»; здесь только с помощью жены, научившейся по-чешски, он воспринял полностью идею, что «наш народ имеет мировую миссию». Таким образом, свою прямую связь с народом — не только в идейном, но и в прямом этнографическом и социальном смысле — он пронес через годы подготовки к своей главной миссии, политической и культурной. Единство верхов и низов, идейной элиты и народной культуры, он и хотел возобновить путем поисков в традиции прошлого. «Мы — молодая нация, постоянно обновляемая снизу», говорил он. «Большинство нашего образованного класса только двумя поколениями отделено от простого народа — фермеров, крестьян и ремесленников». Но это поколение уже рвет с великой традицией. «Наш средний интеллигент не интересуется прошлым, в котором религия играла такую большую роль», он ищет общения в кружках друзей, в кафе, ресторане, клубе. Однако же, «в демократии нет нужды с детства мечтать сделаться джентльменом» — а в сущности, мелкой сошкой в канцелярии. Фермер, ремесленник, рабочий часто бывают лучше интеллигента: пусть только каждый будет человеком, каждый на своем месте. каждый — развитой личностью».

Вот способ Масарики — и на своей высоте остаться с народом. На склоне дней он сказал Чапеку, что «хранит свои детские впечатления». И народ это чувствовал. Он чувствовал и то, что в национальном деле освобождения, вместе с своим вождем, он участвовал в роли **активного** элемента. В очень трогательной и наивной форме это выразилось в обмене приветствий в тот момент, когда крестьянский мальчик из Ходоппина вошел хозяином в императорские палаты в Праге. Крестьянин из Рожнова так приветствовал в чешском «граде» своего земляка, президента Масарики. «Татичек наш любимый, наш пап президент. Пришли мы, крестьяне, из бедной горной окраины, из твоего избирательного округа, чтобы тебя приветствовать. Когда то, говорят, пацухи в эти дни (21—22 декабря 1918 г.) пришли к Ложьему сыну приветствовать своего освободителя. Так и мы сегодня, в канун Рождества, пришли к тебе, другому отцу народа после Палацкого — он тоже родился в нашем крае — чтобы приветствовать тебя, нашего освободителя. Не осуди, прими от нас хлеб-соль в нашей златой Праге, по старому нашему обычаю, тебе и нам — на счастье!»

И Масарик им ответил: «Будьте уверены, что

жить буду там, на Горе, а сердцем и мыслью остаюсь здесь, внизу. Никогда я не забуду, что вышел из народа. Государство наше должно быть демократичным; это будет власть народа, для народа и посредством народа.» Масарик повторил тут формулу президента Авраама Линкольна, которую с волнением прочел на памятнике побед в гражданской войне, в Америке.

Это была гармоническая жизнь, и она закончилась гармоническим аккордом, из глаз у народа, для которого жил Масарик. Он мог бы повторить про себя то, что в 1668 г. писал в своем последнем сочинении «Единое на потребу» его прообраз Амос Хоменский. «Искусство, высшее из всех, это — хорошо умереть. Только мудрый человек может уйти с честью из этой жизни, ибо он знает, как провести свою жизнь так, чтобы приготовить себя к славному и благословенному переходу в потустороннее. Ибо что может иметь более высокую ценность, нежели то, что человек сможет оставить по себе хорошую славу. Это то, что в нашей жизни — единственно необходимо.»

Как достиг этой цели Масарик? Не тем, что он ее сознательно преследовал. Гармония сложилась сама собой — из задатков его сложной натуры, разгулявшихся и сполна использованных благодаря обстоятельствам исторического момента, исключительно богатого переменами. Сам он только в конце заметил, как строило сложился окончательный итог жизни. «Я иногда думал, говорил он Чапеку, что в запятых столь разнообразными интересами только теряю время. И лишь во время войны я понял, что все — или почти все, что я делаю, в то или другое время, шло так или иначе на пользу. Хорошо, что я родился полусловяком, жил и работал с ними, мог говорить с ними и в их пользу, как один из них самих. Хорошо, что я учился в Вене; наблюдал, как денутат, двор, аристократию, высшую бюрократию. Это знание пригодилось во время войны, чтобы доказать правдивое разложение и неизбежность падения Австрии. Мои столкновения и споры — о рукописях, конституционных правах, о смысле нашей истории — привели меня к изучению наших национальных вопросов; без них я не мог бы пойти в политику. Во время борьбы я узнал все, касающееся нашего народа, а также научился дипломатии; все это я мог использовать во время войны». Эта замечательная автохарактеристика продолжается дальше в подробностях: знание славянского гомораса, России, Польши, югославия, англо-саксонского мира; знание языков и иностранные встречи... все это послужило на пользу «нашему делу».

И вот последний итог, при котором мне довелось присутствовать: похороны Масарика. Это не были обычные похороны главы государства. Напавшие амфитеатр по правую сторону гроба делега-

ты государств в расцветенных мундирах, лентах, погонах, треуголках и цилиндре, вероятно, чувствовали себя не совсем на месте. Среди них терялись, правда, несколько представителей той европейской интеллигенции, которые помогали Масарику и Бенешу заложить идейные и моральные основы освобождения Чехословакии. Но эти основы чувствовались. Масарика хоронили без церковной церемонии: эта глубоко-религиозная натура не укладывалась ни в какие конфессиональные рамки. За то в процессе мыслителя и философа был окружен атрибутами действительного главы государства. Процессия — по обстоятельствам времени — был наделан специфически военный характер. Гроб на лафете, знамена полков, легионеры, участники освобождения, напоминали о человеке действия, о создателе легионов, о борьбе со злом в национальном и международном масштабе. Похороны пашифиста, как бы принимающего военный смотр, свидетельствовали об исключительных условиях момента, переживаемого Чехословакией. Но все же, главная черта, отличавшая эти проводы, была не тут: не в тех, что шли с процессией, а тех, что плотной массой, насаждая друг на друга, стояли по сторонам — и плакали. Никто не созывал их; напротив, газеты предупреждали, что всем не найдется места в Праге. Сколько их пришло, всетаки? Полмиллиона, миллион? Никто не считал их; не было и никакой внешней дисциплины; полиция терялась среди толпы. Напрасно накануне похорон боялись давки, вспоминали Ходынку. Царя полный порядок и тишина. Люди пришли заранее, простояли целую ночь напролет, под проливным дождем, чтобы только пройти мимо гроба «Татички» через залу «Замка». В день похорон они заполнили все свободные места, пригорки, набережную, площади, улицы. И ушли так же тихо, как пришли. . . Это было самое важное. Если другие черты похорон imponировали, то эта черта умиляла. Тут хоронили человека из народа, избалованного народом, ставшего настоящим национальным вождем. Смысл всей жизни Масарика был подчеркнут этим небывалым, изумительным зрелищем. И еще характерной чертой было то, что печаль была сгуста. Это пришел народ, узнавший себя в «опыте» Масарика и себе поверивший. Не один дипломаты чувствовали, что тут прошла историческая грань и начинается тревожное будущее. Но в это будущее — прикрытые покрывалом останки народного главы вносили залог: прочное наследие возмращенной и укрепленной свободы. В борьбе за нее народ показал себя достойным вождя; теперь ему предстояло показать себя способным сохранить приобретенное. Над процессией царил дух глубокой, серьезной, сосредоточенной и сознательной думы. Это был последний дар усопшего — своему народу.

П. Миллюков.

П. МИЛЮКОВ

Международное положение в начале 1938 года

Начиная с 1934 года мне постоянно приходилось возвращаться на страницах «Нашего Слова» к характеристике перемен, происходивших с тех пор в международном положении. Начало этих перемен может быть как раз отнесено к 1933 году, первому из отчетных. Это — год водворения Гитлера в Германию — роковой год, с которого начинается особенно быстрое и систематическое разрушение в Европе и во всем мире равновесия, кое как установившегося по окончании мировой войны. Общий итог перемен, совершившихся за это пятилетие 1933—1937 гг. — тот, что мы теперь стоим перед возможностью возникновения новой мировой войны, более грозной, чем даже война 1914—1918 гг. А другая сторона этого итога — та, что все государства, угрожаемые этим исходом, во первых, усиленно увеличивают свои вооружения и, во вторых, путем ускоренных переговоров стараются предотвратить вооруженный конфликт, хотя бы на время, хотя бы ценою серьезных уступок державам-агрессорам. Не нужно прибавлять, что в ряду последних, кроме Германии, находятся Япония и Италия, а за ними стоят те, выигравшие от победы союзников малые державы, которые не могут рассчитывать на активную поддержку великих держав, охраняющих мир, — в случае, если той или другой из этих малых держав будет грозить непосредственная опасность.

Как могло сложиться подобное угрожающее положение? Конечно, оно сложилось не сразу. В 1933 г. Гитлер был еще занят захватом власти и ее укреплением в самой Германии. Ни о какой «оси» тоталитарных держав не было и речи. Япония перапривала Манджуку и хранила про себя свои дальнейшие планы экспансии. Италия еще не забыла, кому обязана приобретениями в итоге своего участия в мировой войне. И хотя Европа уже насторожилась, хотя уже тогда пророчили войну на 1935-ый год, но в отчете за этот «страшный» 1935 г. я еще мог сказать, что самая сложность современной войны и общая неподготовленность к ней, вместе с принятыми Европой мерами предосторожности, делает вероятным отсрочку вооруженного конфликта. В результате, я мог говорить о грозящей опасности в тоне «условного оптимизма». Правда, уже началась война в Абиссинии, «события стали страшнее, чем прежде, но страх меньше», именно, в виду начавшихся приспособлений на случай всяких возможностей.

Однако, вторая половина 1935 г. и первая половина 1936 г. показали, что приспособления эти встречаются больше трудностей, чем можно было ожидать. Потребность сохранения мира пересиливала чувство опасности у демократических государств, и их меры предосторожности далеко не соответствовали размерам быстро надвигавшейся грозы. Англия и Франция все еще надеялись сохранить равновесие

в Европе путем создания режима «коллективной безопасности» со включением в него и тоталитарных держав. К Лиге Наций еще обращались, как к хранительнице мира и верили в действенную силу ее решений. Германию рассчитывали еще вернуть в зону Лиги и обеспечить против ее же пожеланий — восточные границы Европы, так же как по Локарнскому договору были обеспечены западные. Обеспечить мир казалось возможным путем общего сговора.

7 марта 1936 г. покончило с этими радужными надеждами. Гитлер уже 31 мая 1935 г. предупредил, что заботы западных держав о мире в восточной Европе заставят его обеспечить себя на самом западе. 7 марта 1936 г. он исполнил свою угрозу, введя германские войска в демилитаризованную прирейнскую зону — и тем открыто нарушив Локарнский договор. Тогда это был шаг, для него рискованный: его генералы отговаривали его, боясь французского военного вмешательства. Но «проба силы» удалась Иден «выиграл время», дав пройти моменту первого возмущения; Франция не решалась действовать одна — и ограничилась бумажным протестом, демонстративно поддержанным Лигой Наций. Но все сознавали, что это был момент решающий и что он прошел безвозвратно. Италия, уже раздраженная английскими настояниями на экономических «санкциях», отодвинулась от Франции, и «ось» двух диктаторов была создана. Бельгия поспешила вернуться от Локарнского союза к довоенному положению полного нейтралитета — и обнажила, таким образом, французскую границу. Малая Антанта потеряла уверенность в поддержке, и внутри ее начались процессы перестройки. Югославия и Румыния заметно передвинулись в берлинский фарватер. Польша сделала это еще раньше. Наконец, Гитлер протянул свою «ось» от Берлина до Токио и приблизил к себе Австрию соглашением 11 июля 1936 г., обещав ей сохранение независимости под условием признания себя «германским государством». Кроме того он впервые поставил на очередь возвращение Германии ее колоний.

Все это не могло не произвестти среди демократических держав большого переполоха. Этот переполох должен был еще увеличиться, когда от дипломатических переговоров участники «оси» Рим-Берлин-Токио перешли к военным действиям, — правда, в прикровенном виде. В середине июля 1936 г. началась гражданская война в Испании между националистами, пользовавшимися все более откровенно содействием Италии и Германии, и республиканским правительством, рассчитывавшим на поддержку демократических государств. Почти ровно через год, в двадцатых числах июля 1937 г., началась необъявленная формально война Японии против северных

провинций Китая. Задержка произошла тут, очевидно, прежде всего вследствие внутренней борьбы японского парламента с военной партией, борьбы, закончившейся победой последней, а также и вследствие желания выждать благоприятный момент, долженствовавший наступить вследствие международных осложнений в Европе. В результате этих двух войн на противоположных точках германской «оти» кризис в международных отношениях, до сих пор ограничивавшийся Европой, принял мировой характер. Ближайшим образом была задета и Англия в самых жизненных своих интересах на торговых путях в Средиземном море и на Индийском и Тихом океанах. Ее морских и воздушных вооружений явно не хватало, чтобы открыто сопротивляться на обоих столбах сдвинутых друг от друга театрах. Отсюда явилась необходимость, с одной стороны, в спешном увеличении вооружений, а с другой — в более тесном сближении с Францией и — в то же время — в политике выжидания и затяжек по отношению к невраглическим пунктам Европы. В этой линии политики, несомненно, было внутреннее противоречие: но оно скрадывалось тем, что Франция, рискуя остаться в одиночестве, не могла противопоставить Англии никакой собственной политики; с другой же стороны и внутреннее положение, осложненное социальной борьбой, и пацифистское настроение общественного мнения, и сознание собственной неподготовленности к немедленному выступлению в военные действия, — все это побуждало и Францию следовать, по возможности, той же политике выжидания. Такое состояние нерешимости и колебаний было, конечно, учтено противоположной стороной и развязало руки тоталитарным государствам для усиления их активности. Насколько демократии имели основание медлить, настолько же диктатуры были заинтересованы в ускорении темпа конфликтов. Особенно свободными и безответственными они чувствовали себя в испытанной уже с успехом области бтсффа. Их внутреннее положение также требовало ускорения развязки; особенно положение Муссолини становилось затруднительным, в виду тяжелого экономического и финансового положения Италии. Националистические жесты должны были прикрывать неудачи обоих диктаторов во внутренней политике.

Все это объясняет, почему к началу 1938 года положение из шаткого и опасного стало прямо грозным. О возможности войны говорят теперь все: и публицисты, и дипломаты, и военные. Скачка вооружений приняла небывалые размеры. Темпы вооружений пришлось всеяски ускорить, не считаясь с расходами. Но оставался трагический вопрос: будет ли противник ждать и не вызовет ли его собственный расчет, в связи с психологией диктаторов и с непрочностью их внутреннего положения — какой нибудь «жест отчаяния». Вопрос этот, конечно, и до сих пор остается нерешенным. Но, в ожидании, естественно, что угрожаемые демократические государ-

ства стремятся возможно скорее выяснить, как степень серьезности угрозы, так и пределы допустимых для них уступок. Англия, по указанной уже причине, пошла первая по этому пути, увлекая за собой и Францию. Этим объясняются все попытки переговоров, предпринятые в конце прошлого и в начале настоящего года. В момент, когда пишутся эти строки, мы и находимся под знаком этих переговоров. С этой целью Англия еще в ноябре 1937 года отрядила лорда Галифакса, известного сторонника мирной политики, к Гитлеру.

Гитлер сделал предложения, которых и надо было ожидать: гарантии мира на Западе — но без Лиги Наций, без Локарно и без пакта с СССР —, и полная свобода рук в центральной и в восточной Европе. В то же время в своих февральских заявлениях 1938 года он выдвинул и угрожающую альтернативу. Подчинение армии и дипломатии «вводжо» должно было послужить предпосылкой для нового этапа политики (4 февраля). Прямые угрозы и ультиматумы Австрии и Чехословакии определенно указывали на задачи ближайшей наступательной политики Гитлера. Слабость реакции демократических государств на это поведение Гитлера и мужественные выступления Пущинга (22 февраля) и Годжи (4 марта) ярко осветили сложившееся положение. А затем последовали переговоры с Италией, вызвавшие отставку Идена и замену его Галифаксом. В то же время Англия сделала попытку нового контакта с Германией через своего посла Гендерсона. Визит Риббентропа, заменившего Нейрата, в Лондон послужил поводом к дальнейшим беседам. Если, как можно ожидать, все попытки переговоров не поведут к сближению обоюдных требований и уступок, то может получиться положение, еще более острое, нежели то, которое существовало до их начала.

В этом обзоре мне не пришлось говорить о роли советской России. Это умолчание не случайно. В два последние года, когда в Европе и в Азии происходили решающие события, СССР перестал приниматься в расчет в области международных сношений. Как раз перед тем он приобрел некоторый вес. Франко-советский пакт 2 мая 1935 года был в этом отношении высшей точкой его достижений. Тогда шла речь о «неделимом» мире во всей Европе. Теперь советский пакт учитывается не как поддержка, а как лишняя обуза на пути к миру. К этой перемене пришла политика Сталина. Никто не может верить стране, где все сплошь руководители внешней и внутренней политики, то их собственному признанию, оказываются изменщиками собственной родине. Если же отвергнуть искренность этих признаний, только что повторенных на московском процессе 21-го обвиняемого, то каково же то правительство, которое требует подобные признания силой, прикрываясь мнимой ответственностью невинных людей от справедливой народной ненависти, вследствие неудачи своей безумной политики? Если, наконец, признать правильной ту

часть признаний, которая говорит о заговоре против правительства, разорившего Россию и заведшего ее в тупик, то кто же больше заслуживает сочувствия: заговорщики ли, жертвовавшие своей жизнью, или властители, пытающиеся обеспечить себе безнаказанность? Все это, конечно, более или менее вероятные предположения; но для иностранцев — в том числе и для друзей России — ясно одно: сталинские расстрелы обезглавили армию, лишили ее компетентного высшего командования; они погубили корпус дипломатов, приобретших кое-какую науку и умения поддерживать значение России за границей. Они, несомненно, понизили уровень знаний и опытности в аппарате управления. Они лишили власть всякого уважения и доверия — и сделали это как раз в то время, когда тоталитарные государства объявили борьбу с коммунизмом главным лозунгом своей борьбы с демократией. Сталин оказался лучшим союзником Гитлера, и чтобы запечатлеть этот союз, объявил на весь свет, что его лозунгом остается, по-прежнему, вооруженная борьба международного пролетариата против всех правительств мира. Если выбирать между изменниками и предателями России, то Сталину принадлежит среди них первое место.

П. Милоков.

Р. С. Эта статья была уже набрана, когда осуществилась одна из очередных угроз европейскому

миру со стороны Гитлера. Она осуществилась при том без одного выстрела и с соблюдением внешних форм законности. Мир ахнул от изумления, когда было уже поздно, хотя к случившемуся «сюрпризу» готовились уже несколько лет. Австрия перестала существовать. Ее власти передали страну Гитлеру, «е наци торжественно присутствовали фюрера в Вене, ее плебисцит, заменивший насильственно проведенный опрос страны, только что перед тем объявленный Шумшигом, разделит судьбу всех плебисцитов при диктатурах. Когда первое впечатление прошло, Франция, только что вышедшая из очередного министерского кризиса, повторила свое обязательство защищать следующую возможную жертву, Чехословакию, оружием, как и полагается по договору. И гитлеровские дипломаты поспешили объявить Чехословакию свое благоволение. В Берлине умеют использовать благоприятный момент, умеют и выждать его. К сожалению, политика выжидания европейских демократий, описанная выше, исходит из начал, несомненных с существованием остатков варварства в Европе. И основной вопрос, откоптый насильственным захватом Австрии, сводится к тому, изжиты ли уже иллюзии, причислявшие германский режим к числу режимов, признающих хотя бы элементарные основы международного права цивилизованного человеческого общежития. П. М.

В. ПОПОВ

СТАЛИНСКИЕ ВЫБОРЫ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА СССР

УЖЕ за две недели до 12 декабря — дня, назначенного для выборов членов первого Верховного совета СССР — состав последнего вполне определился и всякий интерес к выборам пропал. Произошло это потому, что на этих выборах отсутствовала, прежде всего, самая возможность какого-либо выбора. В каждом из избирательных округов был выставлен лишь один кандидат и только за него советский избиратель мог подать свой голос в положительном или отрицательном смысле. Сталинские выборы, по существу, были не выборами, а плебисцитом фашистского типа.

Избирательная кампания велась по трафарету. Начинаясь она с выдвижения той или иной кандидатуры на общем собрании рабочих или служащих какого-нибудь предприятия, учреждения или колхоза. Лицом, выдвигавшим кандидатуру, обычно был простой пожилый беспартийный рабочий или крестьянин с еще доволосным или дореволюционным производственным стажем. Начав свое выступление с рассказа о том, как тяжело и плохо жилось раньше и как весело и отраднее жить сейчас под мудрым руководством любимой компании и ее гениального вождя, оратор затем горячо рекомендовал собранию выдвинуть своим депутатом от местного округа такого-то (имя рек), который, помимо всех своих заслуг, известен своей преданностью партии и тов.

Сталину. Выдвинутая кандидатура, как правило, восторженно принималась собранием и официально регистрировалась избирательной комиссией. Следующим этапом избирательной кампании была речь к избирателям самого кандидата. В этой речи, после клятвенных завершений в преданности партии и особенно Сталину и в готовности и впредь во всем следовать их мудрым указаниям, кандидат в депутаты давал собранию торжественное обещание потянуть до максимума свою производительность. Если таким кандидатом был стахановец промышленности или колхоз, то речь шла о превышении существующих уже рекордов добычи угля, металла, свеклы и т. п., а если кандидатом был чекист (а таких кандидатов было не мало), то такие же обещания давались в отношении дальнейшего беспощадного вылавливания и уничтожения троцкистско-бухаринско-рыковских гадов и всякой подобной нечисти.

Однообразие избирательной кампании во всех округах и, особенно, трафаретность, почти тождественные, речи беспартийных старцев, выдвигавших кандидатов, наводили на мысль, что дело тут обходилось не без режиссерской лопатки советских руководителей. Наши предположения нашли себе полное подтверждение в опубликованном 20 января постановлении январского пленума ЦК ВКП, где рассказывается, что «курский обком ВКП исключил из

варии и добиться ареста председателя заводского комитета Дмитро-Таранского сахарного завода Иванченковой за сознательную **подготовку контр-революционного выступления** на предвыборном собрании в Верховный совет СССР **беспартийного** рабочего Кулиниченко. Но проверке же было установлено, что «вина» Иванченковой заключалась в том, что на предвыборном собрании беспартийный рабочий Кулиниченко, после того, как рассказал о своей жизни, сбился с выступления и забыл назвать фамилию кандидата в депутаты Верховного совета.

Спрашивается — для чего нужна была вся эта комедия? — Специально для того, чтобы кандидатов, выставленных фактически сталино-ежовским правительством, именовать официально кандидатами «блока коммунистов с беспартийными».

Советская пресса не сообщает ничего о каких либо отводах или возражениях против той или иной кандидатуры. Это может быть объяснено двояко — либо таких отводов и возражений и не было, либо они были, но сов. газеты предпочли о них умолчать. Присматривая во внимании, что во всех без исключения краях, областях и республиках в числе кандидатов неизменно фигурировали представители **местной администрации и местного ГПУ**, удивляться тому, что «народ безмозгловат», не приходится.

Одним из заключительных аккордов избирательной кампании была речь к избирателям самого Сталина. Эта речь содержала в себе совершенно недвусмысленную угрозу будущим депутатам потерей их депутатских мандатов, если эти депутаты «начнут финить и спорачивать с правильной (понимай, сталинской! В. П.) дороги».

Мы не станем ни указывать числа голосов, полученных на выборах за кандидатов «блока коммунистов с беспартийными», ни строить на основании этих цифр каких либо выводов. Доверять этим цифрам нет никакой возможности. Достаточно сказать, что по этим данным число поданных голосов за самого Сталина, вопреки законам арифметики и здравого смысла, превысило все 100 0/0.

Результаты этих выборов для нас ценны и показательны совершенно по иным причинам. Самый важный вывод, который мы можем сделать из них — это то, что в «счастливом царстве Сталина» совсем не так благополучно, как нас изво дня в день усиленно стараются уверить советские газеты. Если бы действительно Сталин и его политика находили бы хоть скольконибудь положительную оценку и одобрение у страны, несомненно, был бы допущен хотя бы какой-нибудь намек на свободное народное волеизъявление, была бы хотя бы попытка узнать народную народную волю. Если этого не было, если сталинские выборы были превращены в глупую комедию, ясно, что причиной тому было лишь то, что подлинные народные чувства диаметрально противоположны тем, которые им приписывает сов.

власть. Выборы были проведены так потому, что иначе их провести было нельзя. Сталинское правительство знало, что иначе была бы обнаружена его непопулярность.

У сталинского правительства не нашлось даже 1143 человека (общее число депутатов Верховного совета), абсолютно надежных и верных. Даже среди этих 1143 человек оказались враги, и их в срочном порядке пришлось заменять новыми кандидатами. В самый последний момент из кандидатских списков таинственно исчезли 37 чел. (15 кандидатов по Совету Союза и 22 кандидата по Совету национальностей). И что особенно примечательно, эти 37 отнюдь не были случайными людьми, деятелями местного масштаба. Нет, среди них были лица, не только хорошо известные Сталину и его правительству, но и широкой публике. Достаточно назвать имена председателя Госплана и заместителя председателя СНК СССР Межаука, председателя Совнаркома Татарской республики Давлетянова, председателя ЦИК Киргизской республики Шамурзина, начальника авто-танко-бронетового управления РККА Бокиса, начальника всех военно-воздушных сил РККА Алксиса, командующего Забайкальским военным округом Велланова.

Выборы в Верховный совет СССР — лучшее свидетельство о политическом банкротстве сталинского режима. Заглянешь так их и оценишь. Эти выборы *à sens unique*, как их метко назвал один французский коммунист-рабочий, коллега по работе одного из наших товарищей, открыли глаза многим, искренне верившим до того и в сталинскую демократию, и в сталинскую счастливую жизнь. Впечатление, произведенное этими выборами на общественное мнение Западной Европы, можно расценить лишь, как крупнейшее моральное поражение советской власти за все 20 лет ее существования.

Еще большее недоумение, а в среде сторонников сов. власти и смущение вызвала первая сессия Верховного совета.

Законодателям оказалось нечего делать. После утверждения ими принятых в междупарламентский период изменений конституции и законов и избрания президиума Верховного совета и главы правительства, их поспешили распустить по домам. Дальнейшее присутствие депутатов было признано излишним, несмотря на то, что они усердно аплодировали (причем неизменно каждый раз «бурные их аплодисменты переходили в овацию») при каждом упоминании имени Сталина и единогласно без прений принимали любое предложение его правительства. Впрочем, может быть, именно поэтому они и были так скоро распущены. На самом деле, какой смысл возиться с 1143 человеками, если они все всегда и во всем согласны со Сталиным. Гораздо проще сделать все, что он прикажет, не пуская в ход громоздкой и дорогой машины Верховного совета.

Выступления отдельных депутатов и, в частности, едкая критика Ждановым, Багировым и Косиоровым наркомюста Крыленко и др. министров совет-

ского правительства ясно показывали, что все эти выступления проводятся с благословения и по директивам самого Сталина. За все время сессии единственной, заранее неподготовленной, была речь какого-то депутата Совета национальностей, заявившего протест против вечерних заседаний из-за невозможности потому пойти в театр или cinema.

Большим сюрпризом сессии оказалось выдвижение на пост председателя президиума Верховного совета Калитина и скромная роль рядового члена президиума Сталина. Должность председателя президиума Верховного совета, по советской конституции равнозначная посту главы государства и явно предназначавшаяся для самого Сталина, однако, им занята не была. Ожидавшегося юридического оформления фактической роли Сталина не произошло, и двусмысленность положения Сталина осталась прежней. Более того, ныне, при наличии новой конституции, эта двусмысленность даже стала еще большей.

И сталинские выборы, и итоги первой сессии Верховного совета СССР ясно показывают нам, что за три года, прошедшие между моментом объявления о реформе конституции (6 февр. 1935 г.) и временем претворения ее в жизнь, в настроениях Сталина и его окружения произошла большая перемена. Еще два года тому назад в беседе с Рой-Говардом, Сталин считал оживленную избирательную борьбу не только неизбежной, но и крайне нужной. «Всеобщие, равные, прямые и тайные выборы — говорил тогда он — будут хлыстом в руках населения против плохо работающих органов власти».

Чем же объяснить перемену настроений теперь? Отчего Сталин не допустил никакой избирательной борьбы, и грубо навязал стране собственных кандидатов? Объяснение, по нашему мнению, лежит в том, что опыт перевыборов на новых началах партийных и профессиональных органов показал Сталину резко отрицательное отношение масс к существующей власти и Сталин боялся, что удар хлыста грозит уже не только его министрам, но и ему самому. Отсюда и перемена отношения Сталина к новой конституции, и расправа с большинством членов конституционной комиссии, и карикатура на выборы, и кратковременность первой сессии Верховного совета. Проведение конституции в жизнь в полном объеме явно оттягивается, выборы в Верховные советы союзных республик состоятся не раньше лета; что же касается выборов областных и районных советов, то о них даже и не заикаются.

Но сталинское правительство отнюдь не склонно делать логического вывода из выяснившегося отрицательного отношения к нему населения. Верящий в свою мудрость и сверх-гениальность, Сталин пытается террором подавить всякую оппозиционность и все острые внутренней политики советов сейчас направлено на борьбу со сталинскими врагами. Отсюда и непрекращающиеся казни и опалы, отсюда и министерская чехарда, отсюда и истерические вопли

о необходимости бдительности и даже сверх-бдительности, призывы к распознаванию, к выявлению, выкорчевыванию и бесноватому уничтожению сталинских врагов. Развившееся на этой почве и истически непосредственное доносительство за последние месяцы приняло такие размеры, что самой советской власти стало страшно. Дело дошло до того, что власть уже не в силах разобраться в этом море доносов, не может установить, что в этих доносах правда и что ложь, от кого исходят доносы — от ее друзей или от врагов, прикидывающихся друзьями для того, чтобы вернее погубить истинных друзей Сталина.

Вести о кошмарных условиях советской жизни и о крайнем развитии террора доходили и раньше до заграницы, но только сейчас мы имеем тому документальное подтверждение.

Мы находим его в опубликованном в советских газетах от 20 января постановлении пленума ЦК ВКП, озаглавленном «об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключенных из ВКП и о мерах к устранению этих недостатков», равно как и последовавших после этого пленума разоблачениях советских газет. Все эти данные дают нам яркую картину «веселой и счастливой сталинской жизни».

Хотя постановление ВКП говорит только об ошибках парторганизаций в отношении партийцев, но, как видно из опубликованных данных, не лучше обстоит дело и с беспартийными. Передовая «Известий» от 25 января прямо признает, что по отношению к беспартийным работникам было также допущено «огульное зачисление честных тружеников в разряд политически сомнительных людей, система массовых увольнений с работы на основании непроверенных слухов, сплетен и провокационных измышлений действительных врагов, засевших кое где в государственном аппарате и продолжающих тонко вести свою гнусную работу».

Постановление пленума само указывает причины появления в свет этого постановления — «бездушное, говорит оно, отношение к людям создало недовольство и озлобление (курсив наш В. П.), которым пользуются троцкистские двурешники, ловко подцепляющие таких озлобленных товарищей и умело тащащие их в болото троцкистского вредительства». Партийные организации — констатирует постановление — при очищении партии от «троцкистско-правых агентов фашизма» допускают «неправильное и преступно-легкомысленное отношение к исключению коммунистов из партии и формально-бездушно-бюрократическое отношение к их судьбам». Немало случаев — удостоверяет пленум ЦК ВКП, когда партийные организации безо всякой проверки и, следовательно, необоснованно, исключали коммунистов из партии, лишали их работы, нередко, даже безо всяких к тому оснований, объявляли врагами народа, чинили беззаконие и произвол.

В постановлении пленума приводятся примеры массового исключения партийцев из партии и наиболее яркие случаи проявленного бездушия и беззакония.

Как мы узнаем сейчас, отдельные партийные работники сознательно провоцировали массовое доносительство. Напр., секретарь киевского обкома партии Кудрявцев на партийных собраниях неизменно обращался к выступавшим коммунистам с вопросом: «А вы написали на когонибудь заявления?». Немудрено, что такая практика довела доносительство до фантастических пределов.

По словам сотрудника «Правды», Кольцова, появились даже несколько типов доносителей. Вот как он в своей статье «О лжеразоблачителях и клеветниках» («Правда» от 17 января) описывает три типа таких доносителей.

Первый из них — говорит Кольцов — метатель копий, только бумажных. Он строчит кляузы на сослуживцев, на всех, кого знает и не знает. Строчит «факты», а вымыслы, намеки, предположения, иногда просто клеветническую ложь. Он изобрел специальную скользящую терминологию: «есть данные считать... по имеющимся сведениям... общался... внушает подозрения». Он заинтересован только в том, чтобы намутить, напустить побольше тумана, скомпрометировать максимально большее количество людей. Выясняли, кто эти разоблачители, оказалось — люди темные, опорооченные с преступным прошлым и истощенные. Создавая себе облик разоблачителей, они пытаются отвлечь внимание от своих собственных темных делишек.

Второй тип — карьерист, который думает на бдительности нажить капитал. Он усердно раскапывает все дражки и склоки, хотя бы 12-летней давности, обрушивается на всех и на вся, запугивает, терроризирует окружающих и застопаривает работу.

Третий тип — трус-бюрократ. Ему важно уверить себя, собственное благополучие. Получив донос он, не задумываясь, снимет с работы любого честного человека, только потому, что тот будто бы общался с якими врагами, уволит самую безобидную служащую, если она будто бы является двоюродной теткой будто бы разоблаченного вредителя.

Кольцов приводит ряд примеров.

Одного техника, напр., сняли с работы и никому не принимают только за то, что он где-то купил у разоблаченного позже вредителя граммофонные пластинки.

В Новосибирской области исключили из партии и сняли с работы, якобы за сокрытие социального происхождения и родственную связь с вредителем, а на самом деле за борьбу с хищениями, некоего Крутилина. Сняли затем с работы и его жену, исключили из партии и сняли с работы, проживающую в Саратове сестру, а теперь еще требуют исключения из ленинградского вуза и сына.

Вот вам и сталинское разьянение «сып за отца не отвечает». Оказывается, на деле, что отвечает и сын за отца, и жена за мужа, и сестра за брата, и

начальник за подчиненного, и подчиненный за начальника, и один знакомый за другого, и родственники одного знакомого за родственников другого знакомого.

В опубликованных данных есть ряд сведений, подтверждающих преследование сов. граждан за переписку с заграницей.

Но несмотря на то, что система доносительства явно провалилась и ведет на практике к чудовищной провокации и всеобщему озлоблению и недовольству, советская власть тем не менее не собирается вовсе отказываться от нее.

Тот же Кольцов, одновременно с разоблачениями, указывает, что донос, имеющий целью выкорчевывание троцкистско-бухаринских гадов, является долгом и делом чести каждого советского гражданина. Осуждается не сама система, а лишь ее извращения, клеветническое доносительство, головокружение от успехов.

Сама система доносительства, равно, как и система террора, являются альфой и омегой советского строя и сталинская власть существовать без них не может.

Кстати, напоминание о головокружении от успехов вызывает невольную мысль о том, что Сталин одинаково действует, как тогда, так и сейчас. Тогда ведь тоже Сталин сначала поощрял насилие, требовал успехов, а потом за слепое выполнение его предначертаний исполнителей казнил. А сейчас — разве перегибы и бездушно-беззаконное отношение имеет место только в низовых организациях? Кто, как не сам Сталин, уничтожает людей только за то, что те были некогда знакомы с опальными ныне вельможами? Разве не на этом основании разгромлен высший командный состав красной армии, почти все советское дипломатическое ведомство? Кто, как не сам Сталин, пустил в обращение злостную клевету о преступной связи его собственных маршалов, министров и дипломатов с злейшими врагами родины?

Кто поверит в измену России маршала Тухачевского и расстрелянных с ним высших представителей красной армии, в предательство из-за корыстных побуждений чуть ли не поголовно всего состава советского дипломатического корпуса, в столь рекламируемое Сталиным вредительство всемогущего Троцкого?

Вся внутренняя политика Сталина состоит в приписывании себе чужих побед и в перекладывании ответственности за собственные ошибки на другие плечи.... У него всегда все виноваты, кроме него самого. Но теперь ему становится все труднее морочить народ.... Круг друзей Сталина суживается все больше и больше, и сейчас враги обнаруживаются даже в самом ближайшем его окружении.... Недовольство растет, поднимается все выше и выше, доходит уже до самых ступеней сталинского трона. Развязка приближается.

В. Попов.

А. МАРКОВ

Кризис промышленности в СССР.

Некто Вознесенский в «Большевике» (№ 2 — 1938 г.), восхваляя итоги социалистического производства во второй пятилетке, пригласил два соображения, которые целиком опровергают все его выводы о замечательных успехах.

Он пишет: «Созданная в СССР новая мощная техника позволяет добиться второе и вчетверо больше производственного успеха, чем это есть в настоящее время. Дело за дальнейшим созданием новых, квалифицированных, большевистских кадров, дело за развитием стахановского движения».

Таково одно утверждение.

В этой статье автор пишет: «Важнейшей особенностью 1938 г. является рост вложений в капитальный ремонт основных фондов СССР. За годы первой и второй пятилеток созданы крупные производственные фонды. Разрушение и недостаточный ремонт уже существующих мощностей производились вредителями во всех участках народного хозяйства, на которые им удавалось пролезть. В 1938 г. средства на капитальный ремонт по ряду отраслей вырастают в два-три раза. В этом проявляется линия ВКП(б) и советского государства на рост производительности труда и освоение новой техники, на ее полное использование новыми кадрами, на развитие стахановского движения, немислмого без приведения в порядок станков, инструментов, всего оборудования предприятий.»

Дополним эти указания некоторыми цифрами. За годы первой пятилетки капитальные вложения в народное хозяйство составили 52,1 миллиарда руб., а за 4 года второй пятилетки — 117,1 миллиарда рублей. Продукция новых и полностью реконструированных предприятий составила на 1936 г. 75,4% всей промышленной продукции СССР. В 1937 г. она исчисляется в 80%.

Итак что же утверждает Вознесенский?

Он утверждает, что социалистическая промышленность дает продукции значительно меньше, чем должна бы дать, принимая во внимание ее мощност. Если она может давать второе и вчетверо больше, чем дает в действительности, это значит, что фактически приведена в движение только третья или четвертая часть существующих предприятий или это значит, что две трети или три четверти их как бы стоят законсервированными.

Когда советская пресса говорит о мировом хозяйственном кризисе, то в качестве аргумента, который должен показать бесспорност и глубину этого кризиса, она ссылается на уменьшение производства, уровень которого не соответствует мощност

предприятия. Но в таком случае советская промышленность по иным причинам и в других условиях даже переживает величайший кризис, так как основной капитал этой промышленности далеко не используется. Ссылаясь на рассуждения и факты, приводимые Вознесенским, мы склонны утверждать, что промышленный кризис в СССР и в настоящей своей стадии глубже и разрушительнее, чем кризис в капиталистических странах. Это будет ясным, если мы обратим во внимание, что, наряду с пониженным уровнем производства, за последние годы произошло разрушение основного капитала предприятий, чего не происходит на предприятиях капиталистических. Дело идет не об естественной изнашиваемости оборудования, восстанавливаемой ремонтом и обновлением из амортизационных фондов, а именно о разрушениях, изнашиваемости, связанной с отсутствием опытных рабочих, инженеров и техников. Если бы имело место только нормальная изнашиваемост, то не было бы надобности производить чрезвычайные ассигнования в бюджетном порядке, что, как мы видели, решено сделать в этом году и что является, как пишет Вознесенский, «важнейшей особенностю» вложений в промышленност в этом году. Он даже склонен считать, что без такой меры «новые кадры» не могут быть надлежащим образом использованы и стахановское движение не может получить надлежащего развития.

Перед нами, таким образом, совершенно исключительное по своему значению явление. В самом деле, за короткое время умудрились нанести величайший ущерб оборудованию предприятий и в то же время это оборудование не использовать сколько нибудь нормально. О каком оборудовании идет речь? О новейшем, о том, на установку и приобретение которого истрачены десятки миллиардов рублей в самые последние годы.

Ссылка на то, что такие дела устроили вредители совершенно фантастична. Как могли вредители действовать с такой несокрушимой силой во всех отраслях промышленности? Как можно было раньше не видеть такой мощност вредительства? Ссылка на вредителей в сущности ничего другого не обозначает и так это следует понимать, как признание самой сталинской экономики вредительской. Именно промышленная политика Сталина, проводившая стахановщину, и довела до тех результатов, которые мы имеем теперь. Характерно то, что период стахановщины, получившей наибольшее развитие в 1937 г., совпадает с таким фактом, как невыполнение плана промышленностю. В самом деле, по советским данным рост промышленной продукции за последние годы был таков:

Пропагандист рассказывал нам, что он был доволен подобной «чувствительной» политической экономией: ведь цель пропаганды достигалась и работники усваивали, что Марксово учение их защищает — надо за марксистами идти. А если такую работницу или рабочего спрашивали, что такое социализм, они уже без заминки отвечали: это — наше будущее, когда не будет капитализма, не будет частной собственности и когда мы всеюмою властью...

Но правда сказать, не так далеко от этих простых и понятных формул был и социализм интеллигентоз. Конечно, они обставляли эти выводы из длинной цепи исторических предпосылок аргументами «научного» историка. Однако, по существу, в основе этой аргументации лежала она же «чувствительная» идея работницы-табачницы: капитализм, приносящая стоимость — это то, от чего так страдают рабочие, трудящиеся классы; социализм — исцеление, избавление от этих страданий. Социализм был скорее горячей верой, чем (безразличным) понятием в научном смысле. И не Марксом и не марксистами только идея социализма внедрялась в души и умы людей: печать древности лежит на них. Положение трудящихся классов не могло не волновать гуманистов всех времен и всех веков. Достаточно упомянуть Платона и его «Государство», чтобы обнаружить эти древние корни социализма. В позднейшие времена, — в начале XVI века английский гуманист Томас Мор (впоследствии лорд-канцлер Англии) в своей «Утопии» формулировал и основную идею социализма: «Самая существенная причина общественной бедности заключается в неизмеримом количестве «благородных», которые, подобно праздным трутням, питаются работой и потом своих ближних, предоставляя им обрабатывать свои поля и высасывая из арендатора всю его кровь, чтобы увеличить свои доходы; другого способа жизни они не знают. Но если дело коснется того, чтобы доставить себе удовольствие, «тогда они становятся расточительными до безумия». (Томас Мор. «Утопия» рус. пер. А. Генкель, стр. 42). В позднейшие времена — с начала XVIII столетия появились новые «трутни», уже не владельцы земель, а владельцы фабрик и заводов, шахт и рудников. А в качестве эксплуатируемых — наемные рабочие, со-временный пролетариат.

В понятие социализма входит именно это основное содержание: бедность и богатство, работа и эксплуатация, неравное распределение дохода среди разных классов современного общества. Отсюда и отдаленная цель («конечная цель») социализма: уничтожение неравенства в труде и в распределении благ, народным трудом создаваемых. Поправки, которые делались к этой весьма примитивной, но жизненно-верной концепции, экономистами (дам Смит и др.), реабилитировали «трутней» — землевладельцев и капиталистов, — указывая, что эти классы совершают полезную рабо-

ту для всего общества и таким образом не могут считаться трутнями. С такого рода моральным оправданием все развивающегося капиталистического строя трудящиеся, разумеется, мириться не могли. Конечная цель социализма — уничтожение частной собственности на средства производства, а следовательно, и самой основы эксплуатации человека человеком, все больше и более захватывала массы. Чаристское движение 40-х годов XIX столетия в Англии показало инстинктом классам, какое взрывчатое вещество в лице фабричного пролетариата — накопилось внутри общества капитализм и как важна, поэтому, **правильная социальная политика** современных государств по отношению к трудящимся классам.

Англия с ее тред-юнионами, кооперативами, арбитражами, просветительными обществами стала до известной степени классической страной рабочей социальной политики?

По мере роста сознательности в рабочем классе стала усиливаться его борьба за свои интересы, — а в переводе на язык политической экономии — за более справедливое распределение народного дохода. В каждой стране борьба шла, в сущности, за чисто конкретные и узкие цели — улучшение (всестороннее) положения рабочего класса и социализм, т. е. конечная станция, на которой произойдет полное преобразование общественного строя, был лишь осязающей путь общей идеей, а не заданием реальной социальной политики классу трудящихся. На известной степени развития этой борьбы за конкретные цели и интересы была, однако, и эта «конечная цель» поставлена, как **осуществимая задача**, для которой лишь следовало собирать силы и найти средства, пути для ее решения. От философских рассуждений о «Государстве» Платона и от «Утопии» Томаса Мора — через целый ряд других социалистических систем (Фурье, Сен-Симон, Морелли, Бабёф, Базар, Пеккер, Бланки и др.) ко второй половине XIX века пришли к социализму Маркса, к «истине научной, строго обоснованной по материалистическому методу и —

* Средний русский социал-демократ презрительно относился к этим социальным учреждениям рабочего класса, ибо они «обволакивают» рабочего и мешают его революционному активизму. Но когда мы однажды (в конце 90-х гг.) спросили — в интимной беседе — умного и образованного Г. В. Плеханова, какая страна скорее всего могла бы перейти к социализму, он, не задумываясь, ответил: «Англия, конечно. Там развиваются — несмотря на монархию, все предпосылки демократии социального типа, с деятельностью рабочего класса во всех областях государственной жизни». Тогда еще невозможно было предположить, что идея социализма узурпирует строй, не имеющий никаких предпосылок для разрешения сложных вопросов социальной политики и возникший на грешке революции в самой отсталой европейской стране...

пмешней все предисытки для своего осуществления», как формулировал «научный социализм» последователи Маркса.

II

Сам Маркс никогда и нигде не формулировал **конкретных форм** будущего строя. Отчасти за него это делал Энгельс и представители германской социал-демократии, наиболее ортодоксальные его последователи. Но и у них — даже в Эрфуртской программе — нет строго очерченных линий этого будущего строя за исключением трех пунктов: отмена института частной собственности, огосударствление всех средств производства и уничтожение классов. набросок этой задачи был и дан в «Коммунистическом Манифесте» 1848 г., т. е. тогда, когда в Англии было подавлено чартистское движение, а на континенте Европы оно делало лишь свои первые шаги. По этой первой конституции Маркса социализм может быть достигнут лишь революционным путем. Социальная революция представляет с собой **резкую грань**; сама же творческая работа социализма начнется лишь на другой день после революции. Впоследствии Маркс и в особенности Энгельс эту точку зрения несколько видоизменили: социализм может быть «введен» и путем демократии, когда пролетариат будет большинством в демократическом парламенте. Однако, все социалистические партии продолжали называть себя «революционными» и строго блюсти идеал «другого дня», — какого то нового строя, окончательно уничтожающего капитализм. На этой революционной основе и был построен первый Интернационал. 28 сентября 1864 г. в Лондоне, в С. Мартине Галле, была основана «Интернациональная рабочая ассоциация» — первая историческая форма общеевропейского рабочего движения. Его задача: борьба политическая в рамках национальных, но со связью всего пролетариата в рамках интернациональных. Первый Интернационал включал в свои ряды не только марксистов, но и бланкистов, бакунистов, просто труд-юнионистов, и конгрессы его не представляли зрелища солидарности. Напротив, раздоры были настолько резки, что после некоторого распада, он окончательно запутался в расприх и — по предложению Маркса — президиум его был перенесен в Нью-Йорк, податые от европейских пролетарских расприей... Однако, этот первый интернационал отличал «идеологию борьбы» и поставил выступления социалистических партий на такие рельсы, с которых до войны они в сущности и не сходили. Основы этой идеологии были формулированы в 1872 г. на конгрессе в Гааге, год спустя после страшного и кровавого крушения французской коммуны 1871 г. Гаагский конгресс, на котором лично присутствовали Маркс и Энгельс, принял огромным большинством голосов резолюцию Вальяна (французский бланкист): «В своей

освободительной борьбе рабочий класс лишь в том случае будет действовать успешно, если он организуется в политическую партию, **ограниченную от всех старых партий, образованных имущими классами и находящуюся во враждебных к ним отношениях.** Организация рабочего класса необходима для торжества социальной революции и конечной ее цели — **уничтожения всех классов.**»

На этом же конгрессе Маркс произнес речь, которая заканчивалась следующими словами: «Резолюция должна быть общей для всех стран. Мы имеем перед собой пример Парижской коммуны, которая пала потому, что во всех других странах — Берлине, Мадриде и прочих — не возникло одновременно с нею революционного движения, которое находилось бы в тесной связи с восстанием парижского пролетариата»*).

Страной, в которой организация политической партии и неразрывно связанная с нею профессиональная организация рабочих, развивалась в этой классической форме первого интернационала, была Германия. Она и являлась законной наследницей первого интернационала, продолжающей его традиции и учредительницей второго интернационала, действующего уже на почве развитых социалистических партий во всех странах земного шара.

III

Социалистические партии всех стран совершили колоссальную работу в деле организации рабочего класса, подъема его политического, экономического и культурного уровня. В этом отношении их заслуга бесспорна. Со всем другой оценкой дает история развитию социалистической идеологии. В то время, как различные формы рабочего движения успешно развивались на **почве капиталистического строя в недрах его**, идеал социализма, его конкретная форма, не только не проявлялась, но все более и более затуманивалась. Застой идейного развития социалистических учений был тем более непонятен, что в недрах самого капиталистического общества назревали предпосылки для каких то изменений его основ. Все более и более терял капитализм в глазах передовых людей всех стран — и свое моральное оправдание. Некоторые ученые заговорили даже о «банкротстве системы частного предпринимательства», а громадные массы безработных явились уже настоящей угрозой благополучию общественного строя. В своей речи на английском церковном съезде в 1922 г. архиепископ Йоркский высказал суждение **христианства** о существующем строе: «Я говорю об обширной системе верований, поступков, политических теорий и действий в области промыш-

*) Этому убеждению Маркса о «всеобщности» социальной революции резко противоречит «социализм в одной стране» Сталина.

ленности, политики и международных отношений, которую мы можем, обобщая, называть европейской цивилизацией. Она достигла зенита в минувшем столетии. Она была чудесно приспособлена для производства материальных благ и увеличения нашей мощи. Она пробудила огромную инициативу и сумела удовлетворить тысячи новых потребностей и комфорта и материальных удобств. Она вызвала к жизни обширное промышленное население. Благодаря лежащей в основе ее вере в выживание сильнейшего она способствовала пробуждению патриотизма. Но ее мотивами, мотивами ее руководящих деятелей, классов и государств, были себялюбие, соперничество, борьба враждующих сил. Ныне эти силы вошли в коалицию сами с собой. Они разрушают созданную ими культуру. Это ярко сказалось во вспышке всемирной войны и в грозящих Европе в настоящее время опасностях. Само здание современной культуры не может быть разрушено, не вызвав всеобщей катастрофы. Но если эта европейская цивилизация должна быть благом, а не проклятием для человечества, то лежащие в ее основе мотивы деятельности должны быть изменены». («Таймс» 11 окт. 1922 г. «Речь на церковном съезде»).

Опыт полного разрушения здания русской культуры, гораздо более слабый, чем европейская, показал, что такие акты «социальной революции» могут приводить лишь к катастрофе, а не к «другому дню» нового строя, не к социализму. На социалистических партиях все еще лежит проклятие их отчужденности (революция Вальтера 1872 г.) от других партий, в том числе от демократических. Лежит и другое: абсолютное отсутствие ясного представления о том, что же такое социализм, как наследник капитализма. Простая экспроприация орудий производства -- как показал с неумолимой очевидностью русский опыт. Не является еще социализмом и строй, на этой основе утверждаемый, ниже осуждаемого европейского строя и по моральным и по культурным своим принципам. С другой стороны, опыт восхождения к власти лидеров европейских социалистических партий (германской) и в последнее время так наз. «Опыт Леона Блюма») также показывает, что завоевание политической власти, -- цель, к которой стремились революционные марксисты, -- недостаточный аргумент и недостаточная предпосылка для «введения», для декретирования социализма, для установления «резкой грани» между вчерашним и сегодняшним днем. Наоборот, этот опыт говорит о понимании социалистами европейского типа, правда, сравнительно элементарной истины: строй не «вводится», и не «декретируется»; он возникает и развивается по законам, которыми еще отнюдь не овладело человечество и неизвестно, когда овладеет..... Один только Сталин знает эти законы и умеет ими оперировать. Но для таких операций ему необходимы

не люди, а заводные куклы. Европейский социализм отверг подобные манипуляции над живыми и чувствующими людьми, относя их скорее к строю восточных деспотий, чем к каким бы то ни было ветвям социализма. Но отвернув Сталинский насильственный социализм, европейские социалисты постигнули и на самую основу своих старых принципов: революционное завоевание власти, как орудие борьбы за социализм, и полная отмена частной собственности, как средство ликвидации капитализма. Эта старо-марксистская концепция умерла в послевоенной практике социалистических партий и в русском опыте. Остается поставить вопрос: что же реально в концепции социализма и к чему должны быть приложены усилия реформаторов для устранения тех зол капитализма, о которых с такой силой говорил в своей речи архиепископ Норкский.

IV

В этом кратком очерке мы старались показать, что ни в одной концепции социализма нет указаний на конкретные черты, характерные для этого строя. Но совершенно ясно, что прохода для личной реальной политики социалистов: защита интересов трудящихся масс. Концепция Маркса, сущность понятие «трудящихся» до класса промышленного рабского, должна быть решительно откинута. В сложной системе капитализма класс «трудящихся» весьма многолик: служащие, рабочие, крестьяне, мелкие ремесленники являются членами социалистических и радикальных партий и в одинаковой мере заинтересованы в устранении зол современного строя.

Затем, не социальная революция является главным, отделяющим сегодняшний, капиталистический строй от завтрашнего социалистического, а количественное и качественное накопление преобразований в пользу трудящихся масс, преобразования, которые происходят и должны происходить в силу реформаторской деятельности самих рабочих масс и правительства, поддерживающих их стремления. Когда то германский ревизионист Эдуард Бернштейн дал формулу: конечная цель социализма -- ничто, движение рабочих масс -- все. Для новых времен, характеризующихся «кризисом капитализма, как системы», эта формула узка. Теперь уже «завдвигались» не только рабочие массы, но даже политики-консерваторы. И им приходится смазывать капиталистическую машину маслом «национал-социализма» и «зимней помощью», чтобы показать, что и они «движутся» в направлении рабочих масс и по пути ограничения привилегий и аппетитов имущих классов. Фашисты -- надо им отдать справедливость -- понимают глубину кризиса капиталистического строя и пытаются на свой образец -- найти средства для преобразования общества. Радикальный реформизм Рузвельта, «социальный план» де-Мана и Спаака, бельгийцев, работающих на поч-

А. АЛЕКСАНДРОВ

К вопросу об „едином“ и „народном“ фронтах

МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ тревожное время. Демократические идеи, в глазах многих, потеряли дипломатическую, заразительную силу. Последующий период почти повсеместного торжества демократических режимов, прислушавшихся, на обломках рухнувших самовластий, к громадной задаче устройства свободного государства и общества, сменился оборонительным периодом демократической идеи: от наступления она перешла к самообороне. Одним из парадоксов нашего времени является то обстоятельство, что в качестве чемпионов борьбы за торжество демократии выступают представители доктрины, принципиально отрицающей великую ценность этой идеи и противопологающей ей спасительную идею перерождения государства на началах диктатуры избранного класса, нового Мессии-пролетариата. А там, где практически дано осуществлять эту новую систему — на нашей родине, — «освобождение человечества» вылилось в самую беспощадную из когда либо существовавших деспотий, в беспримирное издевательство над человеческой личностью.

Мимикрия под демократию ее левых отрицателей сопровождается открытым нападением на нее правых хулигателей-фашистов всевозможных мастей и правых извергов. В такой «боевой» обстановке возникают разные рецепты защиты демократии и подвергаются иной раз переоценке, казалось бы, впрочном установленные ценности. Создают самые причудливые комбинации партий и лиц. Французские коммунисты, которые несут моральную ответственность за кровавые подвиги своих русских товарищей, поскольку они подчеркивают с ними свою солидарность, протягивают руку наместнику ап. Петра, а умеренный республиканец Поль Рейно готов сидеть рядом с коммунистом Торезом при наличии противоядия в лице правого Марэна.

Понимание, политическая неразбериха достигла апогея. Но кроме мимолетных, на мгновение рождающихся и тут же распадающихся комбинаций некоторые попытки новых политических образований обнаруживают большую устойчивость и постоянство. Я имею в виду кампанию по объединению коммунистической и социалистической партий — созданию единства рабочего класса для борьбы с фашизмом и тактику так называемых «народных фронтов», более широких объединений (коалиций), рассчитанных на временную совместную работу, тоже под флагом борьбы за свободу и демократию.

Зададимся вопросом: все эти единые и народные фронты служат ли делу защиты демократии? Мы в нашем журнале должны рассмотреть эти явления не с специальной точки зрения интересов

рабочего класса, торжества социализма и т. д., а с общей позиции республиканской демократии.

Практически вопрос этот стоит на очереди во Франции, поэтому мне придется, главным образом, остановиться на истории и отдельных моментах развития этой проблемы во французских условиях. Но за конкретными чертами обстановки, создавшейся во Франции, скрывается общезначимое принципиальное существо вопроса.

Нас меньше должно интересовать так называемое «единство действий», т. е. тактическое соглашение, рассчитанное на известный срок, преследующее определенные цели. Конечно, при четкой принципиальной позиции в отношении коммунистической партии не было бы возможно заключение и таких, с ограниченным значением «пактов». Мы знаем, что французские социалисты подписали с коммунистами «пакт о взаимном ненападении и совместных действиях» 27 июля 1934 г. Этот договор послужил исходной точкой для дальнейших переговоров о полном слиянии коммунистической и социалистической партий в единую партию рабочего класса. Но тактическое соглашение, — вызванное специфическими условиями политической обстановки, может без труда быть прервано, заменено другой тактической комбинацией. Партия сохраняет свою независимость и самостоятельность, ее кадры и аппарат остаются нетронутыми и способными к самостоятельной деятельности. Доктрина партии не подвергается изменениям. Одним словом, риск от даже опасных и неосторожных тактических союзов не слишком велик; они не ставят под удары ни внутреннюю организацию партии, ни ее общественно-политический удельный вес и влияние.

Иной характер приобретает так называемое «органическое слияние», растворение социалистов в коммунистах в единой партии. Общеизвестно, какую необычайную энергию проявили коммунисты в борьбе за «всеяские единства» — синдикальное и политическое. Вопрос о профессиональном единстве получил известное разрешение. О нем не будет речи в нашей статье. Проблема слияния социалистической и коммунистической партий прошла через несколько фаз развития, и на ней нужно подробно остановиться.

Итак, коммунисты, вместо травли социал-предателей (впрочем, как увидим, окончательно не брошенной) стали заигрывать с «братской» партией. Было время — еще недавно, — когда коммунисты повсюду — и во Франции и в Германии — предпочитали отдавать свои голоса самой черной реакцией. Сейчас мы наблюдаем полную перемену декораций. В чем причины новой тактики коммунистов?

Первая и главная причина заключается в политике Сталина, связанной с общим международным положением. Ведь лозунг-лейтмотив всей «объединительной» кампании звучит не напрасно, как призыв к объединению «против фашизма и войны». В виду нависшей реальной угрозы войны, страшной московскому диктатору, нужно всячески укреплять свои позиции, где только это возможно, используя для этой задачи послушные филиалы партии за границей.

Параллельно существует и другая причина «объединительной» лихорадки, которой одержимы сейчас коммунисты. Это — практический расчет путем слияния растворить в себе своего противника, подавить его численным превосходством в недрах своей партии. Новая тактика может оказаться более целесообразной; при помощи ласковых слов и нежной дружбы можно легче справиться со своим конкурентом — «обнять, чтоб задушить» — по образному выражению одного бельгийского социалиста. Не может быть сомнений в том, что тут лишь тактическая модуляция, а не принципиальный сдвиг; основная задача остается прежней: «невозможно покончить с капитализмом, не покончив с социал-демократизмом в рабочем движении», напоминает в своей нахуливающей статье в «Правде» от 7 ноября, Димитров тем, у кого притупилась память, слова, сказанные Сталиным 10 лет тому назад. Социал-реформизм — вот враг. Эту точку зрения, конечно, разделяют и французские коммунисты. Тон раз в своей речи на заводе Рено, в которой он официально солидаризировался с вышеупомянутой статьей лидера III интернационала, прямо заявил, что «принятие единого пролетарского фронта означает революционное единство пролетариата путем ликвидации идеологии и практики социал-демократизма». Этой постановке вопроса нельзя отказать в исключительной ясности и определенности.

Мы знаем цели и намерения коммунистов в их флирте с социалистами (количество приведенных нами цитат и документов можно было бы бесконечно увеличить).

Что же противопоставляют в этой опасной игре социалистические партнеры? Какова тактика и принципиальные «установки» социалистов в переговорах с «братями», на какой базе они склонны укрываться под одной партийной крышей в бушующую политическую непогоду?

Марсельский съезд социалистической партии в июле 1937 г. выработал условия «органического единства». Главные из этих условий — во 1-ых, признание внутри-партийной демократии, на всех ступенях партийной организации, 2) суверенитет национальных и международных конгрессов и 3) независимость партии от всякого правительства.

Коммунисты поторопились признать эти условия вполне приемлемыми и в постановлении Ц. К. от 22-23 июля 1937 г., с своей стороны, предложи-

ли ряд конкретных мер для ускорения слияния обеих партий: 1) административная комиссия социалистической партии и Ц. К. коммунистов отныне должны собираться дважды в месяц для координации действий; 2) избранные обеих партий в разные представительные учреждения будут впредь сообща обсуждать стоящие на очереди вопросы, 3) совместная организация пропаганды и 4) соглашение между печатными органами обеих партий о сотрудничестве и обмене публицистами.

Вопрос о слиянии ставился на практические рельсы. Сговорчивость и настойчивость коммунистов в этих переговорах станут особенно понятными, если принять во внимание, что будущая объединенная партия пролетариата насчитывала бы 300 тыс. коммунистов и только 200 тыс. социалистов. Как же, при таком численном соотношении сил, коммунисты могли не выступить в роли блюстителей демократических принципов в партийных рамках? Не может не поразить, что в столь важных и ответственных переговорах забыли о демократии вообще. Проблема демократии не в узко-партийном смысле, а в плане общественном и государственном просто не была поставлена на обсуждение и никаких гарантий от недавних ее отрицателей — коммунистов потребовано не было.

Лидеры социалистов явно затягивали вопрос о слиянии, повидимому, понимая смертельную опасность коммунистических обятий и для своей партии и для «Народного фронта», хотя позиция их становилась все более затруднительной: непонятной казалась, особенно, для нескрупулезной партийной массы поддержка, раз все трудности и препятствия были преодолены. Но тут на помощь социалистам подоспела красочная, яркая статья Димитрова, помещенная в «Правде» 7 ноября по случаю октябрьских торжеств XX-летия большевизма и перепечатанная, с полным, конечно, одобрением в «Юманите».

Статья Димитрова, действительно, весьма интересна и на ней необходимо остановиться. Она построена на трех тезисах:

1) апология сталинского «социализма» в одной стране, в достижениях которого могут сомневаться только «безднадежны: кретины, нередко называющие себя социалистами, и политические шарлатаны, извращающие марксизм».

2) резкий выпад против политики «социал-демократизма, реформизма» (выше я привел необычайно колоритную цитату) и

3) признание «важнейшей ударной задачи» — загордиться во чтобы то ни стало дорожку фашизму в буржуазно-демократических странах, свергнуть фашизм там, где он находится у власти — путем установления единого фронта между коммунистами и социалистами и антифашистского народного фронта. Это облегчается тем, что «в социал-демо-

Вот основные черты концепции Деа. 1) Из марксизма следует взять его **метод анализа** социальных фактов. 2) Концентрация предприятий и капитала не привела к уничтожению средних классов. 3) Государство не является орудием одного класса, оно выражает движущееся соотношение действующих социальных сил.

В плане практической политики Деа призывает осуществить во Франции опыт «à la Van-Zeseland».

С этими идеологическими понятиями можно сопоставить всю **реальную политику** скандинавского социализма, решительно и принципиально отрицающего всякий «контакт» с коммунизмом.

Напомню об одном ярком эпизоде. В Швеции социалистам не хватало **трех** голосов коммунистов, чтобы образовать чисто-социалистическое правительство. Шведская соц.-демократическая партия отвергла коммунистические голоса и составила коалицию с крестьянской партией.

Такая непримиримая тактика по отношению к коммунизму дала блестящие результаты в смысле укрепления демократии и содействовала полному упадку коммунистического влияния. Недавние муниципальные выборы в Норвегии также обнаружили провал, как фашистов, так и коммунистов и большой успех социалистической партии. Сюда нужно также присоединить английскую рабочую партию и трэд-юнионы, раз навсегда отказавшиеся от всяких заигрываний с коммунистами. Можно завоевать доверие рабочего класса, не прибегая к большевистской демагогии и последовательно защищая демократические пути реалистической политики.

И даже в достаточно приверженной к доктринерству группе русских меньшевиков наблюдается отрадное отрешение. Я имею в виду пространный фельетон Р. Абрамовича в «Социалистическом Вестнике» (№№ 21 и 22); в нем он резко возражает против «пролетарского единства» и во Франции и в Испании («растворение испанского социализма в коммунизме чехистского толка явится сейчас смертельным ударом для испанской республики»). Р. Абрамович иронизирует над резолюцией негелевского съезда австрийских революционных социалистов, которые стоят за единство, но независимое от Москвы (!), и приводит полезную историческую справку, как печально закончилось слияние независимых социалистов и спартаковцев в Германии в 20 году.

Статья моя растянулась, поэтому ограничусь несколькими замечаниями о так называемом «народном фронте». Сущность его состоит в коалиции **трех** элементов: коммунистов, социалистов и демократов, которые заключают тактическое соглаше-

ние на определенных условиях, на известный срок. Этот временный «брак» по сугубому расчету не получил широкого распространения.

Итак, отличительная черта этой новой политической формации заключается в участии в ней коммунистов. Как смотрит на свою роль в «нар. фронте» сами коммунистические участники?

В этом отношении особый интерес представляет позиция «руденого Коминтерна» Димитрова, который в многочисленных статьях и речах формулировал коммунистическое понимание этого нового рецепта спасения демократии. Речь, ведь, идет, говорит он, о «возможном образовании правительства, **накауне и до победы советской революции**. Коммунисты, оставаясь непримиримыми врагами всякого буржуазного правительства и сторонниками советской власти, тем не менее, перед лицом нарастающей фашистской опасности, будут готовы поддержать такое правительство, поскольку оно предоставит свободу деятельности коммунистической партии и рабочему классу. Нам вовсе не безразлично, какой политический режим существует в данной стране: буржуазная диктатура в форме буржуазной демократии (sic!) или буржуазная диктатура в ее открытой фашистской форме». Разве после этих заявлений, сведенных воедино из разных речей, — столь откровенных и чистосердечных, — можно смотреть на коммунистов, как на добросовестных союзников в борьбе за демократию? Они ведь особенно глубоко не прятут за пазухой припасенный ими камень диктатуры по советскому образцу. Эти теоретические рассуждения получили подтверждение, по моему мнению, и **на опыте** практического применения «народного фронта».

Демократию нужно защищать демократическими руками.

К этому элементарному выводу — необходимости искреннего сотрудничества всех демократических сил, независимо от их конечных идеалов, при наличии признания абсолютной ценности демократических методов и принципов — мы должны прийти в итоге всего пережитого опыта.

Меньшевизм Югов в «Социалистическом Вестнике» отвергает идею коалиции и считает, что **«только внутри рабочего класса социал-демократия должна искать силы и связывать свои надежды только с его самостоятельным движением»**. В будущей России эта доктринерская позиция будет отброшена, как вредный анахронизм, и осуществится союз всех демократических элементов — залог здорового свободного развития нашей родины.

Александр Александров.

том, имеется ли в России революционная ситуация и на поверхности ее активистские воплишки — **достаточно сложно**. Бесспорно одно: на верхах «нового отбора» идет схватка горячая, диктатор уничтожает весь «первый призыв» революционного отбора и значительную часть «второго призыва». Происходящий процесс не укладывается в революционную или активистскую терминологию, но имеет с ней точки совпадения.

Легче ответить, и ответить положительно на второй вопрос дилеммы. Здешний активизм может быть только чуждым и враждебным активизму тамошнему и мешать ему. Связи между двумя активизмами, одним бесспорным, здесь нами наблюдаемым, другим тамошним — предполагаемым, нет и не может быть, т. к. zdeшний правый активизм безнадежно устарел. Он опоздал на целых 18 лет. Почему он устарел и опоздал?

Потому, что непосредственно связан с идеологией эпохи гражданской войны. То, что было живым и актуальным тогда, мертво, и, в подлинном смысле, контр-революционно **теперь**. Связанность со старой идеологией сама по себе не может не стать препятствием для связи с новой Россией, в частности и в первую очередь для связи с тамошним активизмом. Тамошний активизм складывается на почве революции, на ней основан и ею от начала до конца пропитан. Активизм zdeшний живет обрывками прошлого, искажая к тому же это прошлое и безнадежно его компрометируя. Жалко и смешно видеть, как доблестные и заслуженные военачальники тиетно стремятся превратиться в революционных вождей, подавая свой «сигнал».

Уважение к прошлому, кстати, **общему** почти всей эмиграции, подсказывает один разумный выход: на пронырых методах антибольшевистской борьбы должна быть поставлена точка.

От вопроса о бессилии правого эмигрантского активизма перейдем к другому: об его вредности. Вреден он в первую очередь тем, что ставит явные порочные и неосуществимые задания. Испанские замки «прямого революционного действия» подменяют то единственное здание, которое может и обязано принять на себя неприемлющая советского строя политическая эмиграция: задание вполне реальное, — это общественное и политическое самобразование (а сколько среди zdeшних русских подлинно дремучего невежества), это изучение и проникновение в сущность новой России, это, наконец, политическая организованность на программно возможном при нашей оторванности приближения не к старой дореволюционной России, а к России пореволюционной, по новому, совершенно по новому сложившейся.

Испанские замки, как всегда, при первом соприкосновении с действительностью рушатся и под их обломками оказываются погребенными горячие чувства и разбитые надежды. А долгое кипение по-

литических страстей, при постоянной невозможности дать страсти обещанный естественный выход, приводит наших активистов к тому психологическому состоянию, в котором и культивируется отравленная атмосфера, искрытая делом Миллера-Скоблина.

Вот он старый спор «халупников» и «героев». Время дало на него слишком ясный и недвусмысленный ответ. Помню одно бурное многолюдное пражское эмигрантское собрание, когда П. Н. Миллюков, отвечая яростно нападавшим оппонентам, сказал: «не знаю **когда** и **как** вы вернетесь домой, но я знаю, как вы **не вернетесь**...» Далее следовало изложение традиционных представлений правой эмиграции. Сейчас уже мало кто сохранил прежнюю детскую веру в весенние походы. Но психология осталась и эмигрантский активизм лишь вариация старых установок.

«Герои» не свергли и не свергнут большевиков. Большевики штируют их пораженческую лирику, чтобы лишний раз восстановить против эмиграции своих кочблющихся и «сомневающихся», а несчастных (чистом, правда, очень и очень немногих), посылаемых на «действие» **туда**, неукошнительно отправляют на плаху. Почему так получается, и свете теперешних разоблачений и эпизода с Скоблиным, распространяться не приходится.

Молодежь же 3-ьяго поколения, пошедшая за активистскими призывами, приведенная к § 15 и, вероятно, переживает тяжелую драму.

Ну а «халупники»? В чем их актив? Они сразу же поставили себе ограниченную задачу и в ее пределах ведут свою работу. Не стремясь к полетам, «взлетам» они не знают и тяжелых политических «падениях». Их служение родине исходит прежде всего из их веры в эту родину и ставки на нее. Свою роль они расценивают и расценивают, как подсобную и подчиненную (хорошая формулировка в недавнем докладе уважаемого ген. А. И. Деникина: не командовать, а служить).

События в России с совершенной очевидностью показывают приближение конца большевистского периода русской революции, не будем забегать вперед и утверждать, что конец этот уже наступил. Каждое очередное полугодие может принести решительные перемены. Та часть эмиграции, которая не уснула в долгом ожидании и которая вместе с тем, не предаваясь активистским иллюзиям, будет считать свой долг выполненным, если сумеет воссоединиться с родиной так, чтобы быть этой родине с в/а и е. быть политической ей полезной. Работа «халупников» и направлена — к этой цели. Работа эта большая; 18 лет разрыва надо преодолеть знанием, пониманием, любовью и товарищеской политической организованностью.

Д. М. Иснер.

Герцен, как политический мыслитель

Сто двадцать пять лет, истекших со дня рождения А. И. Герцена, вызвали живые и обильные отклики везде, где звучит русское слово, как свободное, так и приглушенное. Однако о великом нашем трибуне можно и должно вспоминать и без всяких юбилейных поводов и без всяких календарных указаний. Богатейшее идейное наследие Герцена связано бесчисленными и неразрывными нитями с передовым демократическим правосознанием наших дней. Курьезно, что на бессмертных творениях Герцена порою пытаются найти себе опору и оправдание самые лютые враги демократии и права и света. Эта лукавая диалектика обречена на неминуемую логическую неудачу. Противникам полноценной личной свободы и сторонникам безответственной политической опеки пише и пи в чем нет с Герценом общего пути. Сталинский социализм в такой же мере похож на социализм герценовский, как уголь на алмаз, или созвездие Иса на лающее животное. С другой стороны никакими хитросплетенными софизмами нельзя доказать идейное сродство Герцена с теми запоздалыми романтиками правоверного единоверия, которые еще не отказались от мысли устроить подновленное самодержавие земное по образцу и подобию самодержавия небесного. Неприимный и стойкий радикал в отношении политическом, непокладливый и мужественный скептик в отношении религиозно-философском Герцен еще в молодости резко и четко отмежевал себя и от самых либеральных наших славянофилов. Можно смело сказать, что знаменитый публицист отрекся бы и теперь от таких самозванных идейных внуков, ставящихся сегодня и под белое и под красное знамя. Более того его, могучий дальновидный ум предвосхитил и осудил сатирически все возможные переодевания и извращения дорогих ему идей народопрательства.

Как известно бурная кипучая жизнь Герцена вполне соответствует его идейным исканиям. Мирозерцание его не ледяная статика догматической неподвижности, а огненная динамика неустанного полета—живой трепетный процесс. Исполненное литературное зодчество Герцена до сих пор подкупает и подкупает читателя своим задуманным и страстным драматизмом. Лучшее творение Герцена — его жизнь. Эту жизнь не праздного дилетанта, а проникновенного и памятливого мыслителя, он сумел рассказать так искренно, так художественно и так беспристрастно, как никто. На пламенных лирических страницах его автобиографии, порою беспощадно-покаянных, целиком раскрывается его политическая философия. Будучи одним из самых

образованных людей своего времени, Герцен критически воспринял в свое самостоятельное мирозерцание самые прогрессивные течения, провозглашенные молодым еще тогда XIX веком. От предельно-идеальной французской философии он унаследовал веру в непрекращаемую верховную ценность человека, человека живого, мыслящего и страдающего. Человек для него стал продолжением природы, сливающимся сознанием и разумом. Это именно и делает человека в глазах Герцена средоточием всего мирового процесса и это же предопределяет его в созерцательно-исторической части вселенского целого к самозаконному поведению и свободной творческой деятельности. История делается волею и напряжением личности, а не сама собой и не по непреложным законам — божественной ли силы или слепой стихийной силы природной, так как только с сознанием, только с личной нравственной свободой начинается история. В человеке мир познает себя и, чтобы познать мир, нужно познать человека. Еще в молодости Герцен бесповоротно оторвался от идеи личного человекообразного бога, осуществляющего в мире единый предначертанный план. Мир не был создан раз навсегда. Мир непрестанно творится и, вместе с ним творятся его законы. Таковы краеугольные основы герценовской философской космологии, тесно связанной всегда с его общественным мирозерцанием.

Под явным влиянием Гегеля, характернейшую «феноменологию» которого Герцен с большим увлечением изучил еще в молодости, произошел у будущего знаменитого писателя, разрыв навсегда с традиционным истолкованием связи духа и материи. Поскольку дух всегда и везде проникает материю, и все в более чистых утонченных формах воплощается на восходящих видах материи, то нет ничего страшного в отрицании вековых богословских самообольщений — существования личного Бога, бессмертия личной души, предопределения праведников к райскому блаженству, а грешников к адским мучкам. Германская идеалистическая философия воспитала критическую мысль Герцена и оградила его на всю жизнь от соблазнов как филаретова катихизиса, так и псевдонаучного вольнодумства. Позитивный элемент учения Канта целиком воспринимается Герценом: для нас ничего кроме явлений не существует, но все, что мы находим в явлениях, вкладывается в них организующей силой нашего разума по присущим ему собственным законам. Мысль и предмет — не два разных предмета, а два момента чего то единого и нераздельного. Материализм — самая наивная и самая произвольная из возможных метафизик. Материализм, подобно всем тирапам, окружен трупами — он мертвенен в

*) Извлечение из доклада, прочитанного в РЛО.

своем убогом логическом существе и не может быть поэтому движущим началом подлинного политического обновления. Однако и материализм был гад относительно прав, когда грубо и бесцеремонно напоминал высокомерным аристократам духа и как Синетим мечтателям о тех голодных и обворованных людях, которым некогда подумать о высочайших идеях, потому что попросту есть нечего. Мысль, по убеждению Герцена, должна принять плоть, сойти на торжище жизни, раскрыться со всею роскошью и красотой временного бытия, без которого нет живнотеплещущего, страстного, увлекательного деяния. Философия должна спуститься с небд на землю и стать в прозрачной и трагикомической сутолоке жизни действительной и деловой мудростью. Оттого, что наука «выше жизни», оттого ее область отвлеченна, ее полнота не полна, ее освобождающая власть не всегда победоносна. Вся духовная культура человечества должна и может иметь насущную практическую цель — снять с человека все давние путы всяческого рабства, сделать человека вполне человеком. Отрица последовательно дуализм духа и материи, Герцен неуклонно проповедывал необходимость неразрывного единства и творческого гармонического единодействия для духовного и материального элементов исторического процесса. Только при этом условии достигается очеловечение природы и очеловечение истории. Так на грани между природой и историей человек очеловечивает самое природу (так как вообще человеческое есть аллофео естественного), очеловечивает **завершая** природу собою. Так достигает оправдания история по существу человеческая, ибо то, что не очеловечилось, не может вступить в историю — будучи тем не менее ее началом, сознательным, разумным и самобытным. История и вся действительность социальной жизни делаются разумными через нравственно-разумное и свободное деяние личности.

Мы подошли к святой святых общественной философии Герцена, к ее огненному центру — к его глубокомысленному учению о личности. Сен-симонизм, оказавший на Герцена, как политического мыслителя, могучее и неизгладимое влияние, красноречиво отсталая права индивидуальности, как пародь и лозунг всякого прогрессивного общественного деяния. Восприняв в свое морально-политическое жизнепонимание не только основные предпосылки, но и некоторые характерные термины сен-симонизма, Герцен оказался, как всегда, совершенно чужд какого-либо ученического подобиостратия и пошел гораздо далее своих французских вдохновителей. Человек, в его глазах, создан, чтобы мыслить и любить. Человек должен достичь, доразвиться до мира ценностей верховных и всеобщих. Человек призван не только в мир бесстрастных и отвлеченных силлогизмов — он призван в мир социально-исторический, нравственно свободный и положительно-деятельный. Люди эгоисты, потому, что они лица, и

нельзя быть самим собой без ясного и целостного сознания своей личности. Мы эгоисты и потому жаждем любви, потому добиваемся признания наших прав . . . Может быть эгоизм высочай и может быть любовью низменная, любовью ограниченного диквара эгоизм близорукий и неразборчивый. В свою очередь эгоизм мыслителю и развитого человека, достойного своего имени, есть эгоизм просветленный и обдородоженный, эгоизм чуткий и дальновидный, совпадающий с любовью. Вырвать у человека из груди его эгоизм, значить вырвать живное начало, его закваску, соль его личности. К счастью это и невозможно. Как эгоизм так и общественность (братство, любовь) не суть ни добродетели, ни пороки. Это основные стихии жизни человеческой, без которых не было бы ни истории, ни развития. Таким образом не эгоизм определяет собою нравственное достоинство человека, а наоборот нравственное достоинство человека определяет ценность его эгоизма. С человеком, который честь ставит выше жизни, который добровольно идет на смерть, ничего поделать нельзя: он несправимо человек.

Если так, то существует ли формальное четкое мерило для разграничения хорошего и дурного эгоизма? Можно ли найти такое целебное спасительное средство, которое обезвредило бы в социальном отношении себялюбие своекорыстие и центробежное и установило бы прочное принудительное равновесие бесчисленных своевольных людских тяготений? История философии права свидетельствует, что мудрецы разных эпох и разных народов всего охотнее выдвигали в качестве такого средства и такого мерила **справедливость**, особенно справедливости общедоступную и общеобязательную. В наши дни ученые сторонники такой чудотворной и справедливости настаивают даже на «ориентировке этики в юриспруденции», т. е. на выведении основных заповедей нравственного должностноования из простейших правоотношений. Герцен решительный и страстный противник подобной философии права. Бог справедливости для него бог холодный и бесчеловечный, бог равновесия, тишины, покоя, бог брамин, ищущий потерять все личное и раствориться, опочить в мире ничтожества. Справедливость есть свойство безличное, бесцетное и безразличное. Справедливый человек ничего особенно не любит и не ненавидит. Личность свободная и самозаконная не может любить безличное, безымянное и хотеть безличного. Справедливость способна быть судьей только пока не соприкоснется с живым страдающим человеком, хотя бы заблудшим и виновным — тогда она становится беспыльной и ненужной, отталкивающей и отпугивающей своим черствым формализмом. В справедливости, немощно развешивающей и подсчитывающей, Герцен не признает живительной и надежной благодати. Любовь и дружба для него неизмеримо ценнее справедливости. Право и правосознание потому и являются худ-

ней нравственностью, ее условной и хрупкой замеченой, ее порой подделкой, что они строятся на бездушном и казенном формализме. Право естественное, «интуитивное» выше и мудрее права противостественного, но зато «положительного» и официально-законного.

Не правом и не справедливостью творятся в человеческой общественности истинно-светлые и достойные бессмертия дела. Свобода личности — величайшее и святейшее благо. На ней и только на ней может вырасти и прочно окрепнуть действительная воля народа. Быть человеком в человеческом обществе предписывает не религиозный закон, переменчивый и часто превратный, не начальственный указ и не зов «справедливости», отвлеченной и беспощадной, а голос непринужденного сердца, говорящего внятно и понятно. Быть человеком в истинно-человеческом обществе не тяжелей обязанность, не докучная повинность, а развитие внутренней потребности, здоровой и неодолимой. Не ради грядущего рая небесного или даже грядущего рая земного, а только ради уважения к своему voluntary человеческому достоинству мы можем и должны быть неизъемлемой сквозной нитью в громадной узорчатой ткани общественного делания. Мы должны быть активными и героическими гражданами не для будущих поколений, а теперь и сейчас для самих себя. Начинать дело общественного раскрепощения и оздоровления нужно с отдельной личности. «Прежде чем освобождать других не начинать нам с того, чтобы освободить себя» — эти вещи слова Герцена особенно любил и часто повторял Толстой, всегда его высоко почитавший.

Без нелицемерного уважения к человеческой личности, без полной и для всех равной гражданской свободы, по убеждению Герцена, нет подлинной демократии, а только через такую честную и серьезную демократию лежит путь к социализму. Всякое подчинение личности обществу, народу, человечеству, идее, есть, в его глазах, продолжение человеческих жертвоприношений, заклание агнца для умилостивления Бога, распятие невинного за виновных. Из себя самом человек должен благоговейно чтить свою свободу и чтить ее не менее, чем в ближних, не менее, чем в целом народе. Осуществление своего высокого республиканского идеала Герцену не несчастливостью увидеть в современной ему действительности. Даже Швейцария, давшая ему, как изгнаннику, формальный приписной приют, не представлялась ему достойной подражания демократией. Само собой разумеется, что Герцен громил и приговаривал к позорному столбу не идею демократии, всегда для него дорогую и священную, а ее недостойное осуществление. Он убийственно высмеял то поколеблющее и трусливое мешанство, которое при всех политических переменах и переименованиях сохраняет свою рабскую алчную душу, несовме-

стимую ни с какой добросовестной демократией. Он даже саркастически изобразил то идолопоклонство перед правыми и левыми демагогами, которое три четверти века спустя приняло такие болезненные и уродливые формы в державах Сталина, Гитлера и Муссолини и которое он считал самым злокачественным рецидивом добровольного рабства.

Совершенно напрасно наши реакционеры пытаются искусным подбором отдельных герценовских фраз превратить его в разочарованного и ожесточенного врага демократии. Знаменитый русский трибун был писателем настолько же прямодушным и гедвусмысленным, насколько стойким и честным. В силу этих счастливых особенностей Герцена подобные кривотолки и подтасовки не могут исказить или затемнить его идейного облика. С другой стороны не менее напрасно современные властители России воздают Герцену печатную и медную хвалу, называют его именем улицы и «коммунистические» заведения. Никто с такой пророческой меткостью, с таким сверхчеловеческим ясновидением не предугадал аракчеевского социализма на нашей родине, как именно Герцен. Социализм, который хотел бы обойтись без политической свободы, без равноправия, быстро вырождается бы в самодержавный коммунизм. Социальное развитие возможно только при полной республиканской свободе, при полном демократическом равенстве... Подражанием Петру I социальный переворот далее какого-либо равенства и коммунистической барщины не пойдет.

Так говорил Герцен. По изречению библейского Соломона, слова мудрых вбиваются, как алмазные гвозди. Аминь.

В. Сперанский.

Речь б. члена Гос. Думы Н. Н. Николаева по радио

Наш сотрудник и единомышленник Н. Н. Николаев в конце октября 1937 г. выступил в Нью-Йорке с речью по радио, в которой он, после сжатого очерка событий в России, приведших к кровавому самодержавию Сталина, предостерегал американцев от повторения «русского опыта» и призывал всех демократов к энергичной борьбе с реакционными разрушительными силами фашизма и коммунизма.

А. А. ДМИТРИЕВ

Из беженцев — в эмигранты

(Письмо из Монбеллара)

Эмигрантом обычно называется человек, покинувший свою страну из-за побуждений идеологического или материального характера. История Великой Французской революции дала пример массовой политической эмиграции, а история США — пример эмиграции, образовавшейся в силу стремления создать лучшие материальные условия существования. Мы видели, как в результате гражданской войны многие русские покинули свою страну, но нельзя всех их назвать эмигрантами в полном значении этого слова. Более подходящим для них является слово «беженцы» (как они и сами себя называли в первые годы своего пребывания за границей). На самом деле выезд беженцев из России был вызван не тем, что их политические взгляды шли в разрез с коммунистическими: никакой своей идеологии беженцы не имели; вместе с тем — никогда эти беженцы не стремились уехать за границу (подобно хотя бы выходцам из Англии, положившим основание США) для создания лучшей жизни, в материальном отношении: беженцы убегали из России, чтобы спасти свои жизни — вот главный побудитель оставления ими своей родины.

Эта беженская масса вышла из среды российских обывателей. Рядовой обыватель принял пассивно революцию 1917 года; беспокойство зародилось в нем гораздо позже — когда он увидел, что над его благополучием нависла угроза со стороны мероприятий советской власти. В плоскости политической обыватель не мог бороться против большевиков: он был совершенно безоружен политически, он мог бороться только физически. Как мы знаем, результат этой борьбы был для обывателя плачевным.

Очутившись за границей, обывательская масса разделилась: часть ее пожелала вернуться на родину, примирившись с советской властью. Это примирение для многих произошло без какой-либо внутренней борьбы. Русское «авось» пришло на помощь: «авось» удастся устроиться при большевиках».

Другая часть обывателей решила ждать скорого возвращения в Россию: ее сознание не могло ни усвоить, ни примириться со своим поражением и изгнанием. Эти беженцы отчасти машинально, отчасти сознательно остались в воинских частях: воинские части должны были, по их представлению, ехать в освобожденную Россию раньше штатских беженцев.

Однако годы шли, а ожидаемых интервенций и всенародного восстания в России не было: потеряв веру в наивные пророчества своего начальства, беженцы стали покидать воинские организации. Некоторая часть их, наиболее разочаровавшаяся в своих вождях, обратилась к созданию своего личного бла-

гополучия в трудных условиях заграничной жизни. Другая часть беженцев, предоставленная сама себе со своими горестными думами, начала искать объяснений смысла того исторического процесса, которого она была свидетельницей и в котором приняла активное участие. Наиболее элементарные объяснения были и наиболее приемлемы. Затянувшееся пребывание за границей, думы и разговоры о все тех же наблевших вопросах и, главное, жизненный опыт (не чужой, а свой собственный, «благодарно приобретенный») помогли беженцу стать на путь, который обещал принести его к скорейшему исходу. Он стал искать организации, сущность активную борьбу. Но активизм беженских организаций вызвал у ген. Деникина горькую оценку: «при более конкретном понимании, активизм имеет два лика: те, которые делают, молчат; те, которые ничего не делают — кричат; и чем больше кричат, тем они больше активисты» (речь в Праге в 1934 году). Наибольшим успехом у беженцев пользовались организации, громко кричавшие об активной борьбе и вызвавшие к чувству ненависти к советской власти. Недавно довелось мне слышать доклад об идейных основах «активистской» организации, в котором лектор усиленно убеждал аудиторию о воспитании в себе чувства ненависти и даже святой ненависти, как основы борьбы за новую Россию. Характерно, что лектор ни разу не упомянул о воспитании в себе любви к России.

Большевики воспользовались этой смертной охотой беженца к активной борьбе и его большой ненавистью, легко поддающейся на приманку громких фраз: всем памятен скандал, когда обнаружилось, что во главе одной анти-большевистской организации оказались ГПУ, не случайно и большевистская провокация свила себе гнездо около псевдо-активного РОВСа, как это выяснилось в связи с трагическим похищением ген. Е. К. Миллера.

Мало по малу беженец сознал, что бороться с большевиками надо и в области идеологической. Соответственно с появлением этого сознания — проявился и интерес к темам, к которым беженец до того времени относился пренебрежительно и знакомство с каковыми необходимо для всякого, стремящегося понимать ход государственной жизни страны, выявился интерес к жизни России. В результате этого изучения, беженец стал вырабатывать свой взгляд на необходимость некоего государственного устройства. Мы видим ныне, как прежний обыватель, гордившийся своей аполитичностью, своим равнодушием к политическим вопросам, перерождается и вместе с тем приобретает право на замену слова «беженец» словом «эмигрант».

А. Дмитриев.

«НАША МАЛЕНЬКАЯ ЖИЗНЬ»

(Письмо из Бельфора)

События, глубоко волнующие русских парижан, у нас — в провинции — не вызывают того же интереса и того же подхода к ним, как в Париже. Примером тому — события последних месяцев: похищение ген. Миллера, разоблачения о «Внутренней линии» и о престоупной 15-ой главе курса обще-технической подготовки НТСНП.

Ни для кого в Бельфоре не было секретом ни внутренние и давняя борьба в РОВС-е, ни стремление некоторых членов РОВС-а завладеть местным отделом НТСНП. Все это относилось за счет самолюбий некоторых лиц. Раскрытие «внутренней линии» дало другое истинное объяснение. Борьба внутри РОВС-а кончилась уходом части членов (решивших образовать что-то вроде РОВС-а в исправленном издании). Кажется, во всех отделах РОВС-а во Франции идут подобные разделения и выделения.

Опубликование 15-ой главы не смутило местных «нацмалычковых». При всей своей чудовищности глава 15-ая не удивила местного рядового обывателя по двум причинам: во-первых, — никто всерьез не принимал этого движения (откуда и пренебрежительно-добродушное прозвище — «нацмалычки»), а во вторых, — глава 15-ая не открыла много нового в деятельности НТСНП. Только всем известным фактам, как напр. распусканью тожных слухов и т. п. пришлось дать другое объяснение: до ее опубликования — все это относили к низкой степени умственного и морального развития того или другого «нацмалычка».

Недавно «нацмалычки» устроили в Сошо открытое собрание, на котором после доклада присутствующим предлагалось ставить вопросы (воз-

ражения на докладах НТСНП не допускаются; разрешается лишь ставить вопросы, на которые не всегда можно дожидаться ответа). Все задававшиеся вопросы сводились к одному: какова позиция НТСНП в случае объявления Японией войны России? где выступит НТСНП? Докладчик всячески уклонялся от прямого ответа, и спрашивавшие всячески стремились получить определенный ответ. Победителем остался докладчик: он не сказал ни да, ни нет. Один из спрашивавших заявил, что некоторые члены НТСНП не скрывают своих пораженческих настроений, — но только в частных беседах. (Кстати шанхайские «нацмалычки» открыто — на собраниях — говорят о своем пораженчестве). Странным является поведение парижского докладчика, не пожелавшего публично присоединиться к своим шанхайским и бельфорским единомышленникам по вопросу об изъятии любви к Японии. В отношении РОВС-а докладчик любезно расшаркнулся, отозвавшись о РОВС-е, как о «нашем старшем брате». Интересно сопоставить это заявление с приказами по РОВС-у и заключениями Особой комиссии ген. Эрделя («результатно осуждая белградский центр НТСНП... чинам 1-го отдела РОВС-а запрещается состоять в НТСНП и в комитете содействия этому союзу... и т. д.) Видимо, «старший брат» не питает особо родственных чувств к «младшему брату».

В своей совокупности похищение ген. Миллера, «Внутренняя линия» и 15-ая глава нанесли новый удар как к РОВС-у, так и НТСНП, дискредитировав окончательно наших ура-активистов.

Бельфорец.

Доклады и собрания

- 24 июня 1937 года. Доклад Н. П. Вакара на совместном заседании р.-д. группы партии Народной Свободы и РЮ — «Крайняя левая во Франции».
- 26 июня Годичное общее собрание членов РЮ.
- 6 июля Доклад Д. И. Мейснера — «Сов. действительность и эмиграция».
- 9 июля Торжественное заседание памяти П. П. Гронского.
- 17 июля Доклад Д. И. Мейснера в Бельфоре.
- 20 июля Разбор № 8 «Нашего Слова».
- 22 октября Доклад А. П. Маркова — «Современное положение в СССР».
- 26 октября Торжественное собрание памяти Т. Г. Масарика.
- 2 ноября — Доклад Т. М. Якушева — «Русская школа при советской власти».

- 9 ноября — Окончание доклада Т. М. Якушева.
- 20 ноября — Собеседование на тему «Демократия в борьбе с диктатурами» — выступительное слово В. В. Попова.
- 7 декабря — Продолжение собеседования — выступительное слово А. А. Александрова.
- 10 января — Доклад А. М. и Е. М. Кулишер — «Из истории гражданской войны».
- 13 января — Окончание доклада А. М. и Е. М. Кулишер.
- 8 февраля Собеседование о внутреннем положении в СССР — выступительное слово В. В. Попова.
- 8 марта — Доклад Г. С. Куртилина — «Проблема мирового хозяйства и доклад ван-Зееланд».
- 12 марта — Доклад А. А. Дмитриева в Бельфоре — «Дальневосточный вопрос».

№ 1-2

А. А. Александров — «Наши задачи», И. П. Демидов — «На страже» (к 75-летию П. Н. Милокова) П. Н. Милоков — Международное положение, Россия и эмиграция, П. П. Гронский — «После 17-го съезда», В. В. Попов — «Положение рабочего класса в СССР», М. С. Багдасарян — «Эмиссионные банкноты и их роль в народном хозяйстве», Хроника. Социальная программа РДО. Приложения: «Против порабощения» (переписка П. Н. Милокова с Е. В. Сабалиным и ген. А. И. Деникиным).

№ 3

П. Н. Милоков — «1935-ый год», А. М. Кулишер — «Кризис демократии», А. А. Александров — «Современные социальные искания», Д. И. Мейснер — «К 10-летию РДО», В. В. Попов — В СССР», А. А. А. — «Единый фронт», Е. Новохатный — «Дальневосточный вопрос», Д. И. Мейснер — «В погоне за успехом», Н. С. Трусов — «Национальный Союз Нового Поколения». Хроника.

№ 4.

П. Н. Милоков — «К 85-летию президента Т. Г. Маршала», Д. И. Мейснер — «Пражский мудрец, П. Н. Милоков» — «Франко - советский договор», А. Н. Лазаренко — «К вопросу о «кризисе демократии», К. И. Аристов — «Организация демократии», А. П. Марков — «Уход от пролетариата», Е. И. Унбегаун — «На литературном фронте», Д. И. Мейснер — «Смена», А. А. Александров — «Младоросский блеф», И. П. Демидов — «Живая душа» (памяти А. С. Милоковой), Хроника.

БИБЛИОТЕКА - ЧИТАЛЬНЯ РДО

открыта по субб. и вторн. от 8.30 ч. до 11 ч. в.
78, rue Lourmel - Métro Beaugrenelle

Заказную корреспонденцию по делам РДО и
журнала «Наше Слово» просим адресовать
Секретарю РДО А. А. Александрову
253, rue Lecourbe, Paris (15)

Денежную корреспонденцию и членские взносы
Казначей РДО В. В. Попову
35, rue Jacob, Paris (6)

№ 5.

П. Н. Милоков. — Накануне Нового года, В. В. Попов — Внутренняя политика СССР, А. П. Марков — Современное экономическое положение в СССР: Д. И. Мейснер — Коренной сдвиг или смелый маневр? (Вокруг проблемы единого фронта), В. П. — Советские достижения и эмиграция, Е. Новохатный — Политическое объединение эмиграции, П. Н. Милоков — Социализм и несоциалистическая демократия (К статье Е. Новохатного). А. А. Александров — Политические заметки. Хроника.

№ 6

П. Н. Милоков — Антиномии оборончества, Д. И. Мейснер — Антибольшевизм и оборончество, А. А. Александров — Оборонческое движение, Е. Д. Кускова — О левом секторе эмиграции, К. И. Аристов — Политический камуфляж, А. Н. Лазаренко — Сильная власть в демократии, П. Ф. Гаврилов-Буяр — Строительство в советской России. Хроника.

№ 7

П. Н. Милоков — Международное положение перед 1937 г., А. А. Александров — Россия к концу 1936 г., В. В. Попов — Новая советская конституция, А. П. Марков — «Бесклассовое государство», А. С. Михельсон-Александров — «Внутренний враг», Д. И. Мейснер — Расстрел коммунистов и эмиграция, В. В. Попов — Советская адвокатура, П. Н. Милоков — Треугольный спор, Н. Н. Николаев — Русская эмиграция в Нью-Йорке. Хроника.

№ 8.

Памяти П. П. Гронского, П. Милоков — «Реформа» или «самозащита», А. Марков — В тупике, А. Лазаренко — Федерация и автономии в конституциях XX в. М. Абациев — Идея солидарности народов Кавказа, А. Александров — Проблемы социального законодательства, П. Гаврилов-Буяр — Жилщная политика в сов. России, Н. Николаев — Русская эмиграция в С. Ш. А. Е. Новохатный — Активизм и «активисты». Памяти А. Н. Лазаренко и А. С. Михельсона. Хроника.

ИНСТАЛЯЦИЯ МАГАЗИНОВ, БАНКОВ, ВИТРИН, БАРОВ

КАФЭ, КВАРТИР И ПР. ПРОЕКТЫ, МАКЕТЫ И СМЕТЫ БЕСПЛАТНО, ФАБРИКАЦИЯ МЕБЕЛИ ПО ЗАКАЗУ; ВЫБОР ГОТОВОЙ МЕБЕЛИ ИСКЛЮЧ. ДОБРОКАЧ. И ГАРАНТИИ.
БРОШЮРЫ БЕСПЛАТНО

СТОЛЯРНАЯ и МЕБЕЛЬНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

О М И Р О В А

6, RUE FOLIE - MERICOURT — TÉL. : ROQ. 89-86

КНИЖНАЯ ТОРГОВАЯ

„ДОМЪ КНИГИ“

MAISON DU LIVRE ETRANGER

9, RUE DE L'EPERON PARIS 6^E

TEL: DANTON 10-60 R.C. Seine 530.675

Цены обозначены в амер. долларах

Агеев — «Роман с коканном»	0.75	Кнут Довид — «Насушная любовь»	0.50
Базилл — «Россия под сов. властью»	2.00	Кунина — «Красная феска»	0.80
Бербцова — «Без заката» роман	0.80	Лифарь — «Танец» 2-ое изд. с иллюстр.	0.80
Браудо — «Очерки и воспоминания»	0.75	Лифарь — «Страдные годы» автоб. роман	1.00
Винавер — «Русск. общест. нач. XX в.	1.00	Мориак — «Волчица» роман	0.75
Гейфтер — «Секретный курьер» роман	1.25	Наживин — «Во дни Пушкина» ром. 3 т. по 0.50	
Гуль — «Ораниенбург — конц. лагерь»	0.80	Осоргин — «Вольный каменщик» роман	1.00
Гуль — «Держинский, Ягода и др.»	0.80	Потресов — «Посмертн. сборник произв.»	1.00
Грузенберг — «Вчера» (Воспоминания)	1.00	Сири — «Приглашение на казнь» роман	1.00
Дори — «Киреевский» (Опыт хар-ктер.)	1.00	Скобцов — «Гремучий родник» роман	1.25
Иванов Георгий — «Распад атома»	1.25	Слоним — «Портреты сов. писателей»	0.75
Ильязд — «Восхищение» роман	0.50	Смоленский — «Наедине» 2-ая кн. стих.	0.40
Иоктон — «История воен. инвалида еврея	0.60	Эренбург — «День второй» полн. изд.	1.50

Высылаются бесплатно по требованию каталоги:

Худож. литература, социально-экон. литература, техника, военное дело, сельско-хоз-яст. литература, музыкальный каталог, каталог нот, медицина, каталог сов. период. изданий.

Прием подписки на все советские газеты и журналы по официальн. издательским ценам

РУССКИЙ ПЕРЕПЛЕТЧИК

И. Р. МАРКОВ

Дает уроки за недорогую плату. Переплетит из полотна, бумаги, кожи и т. д. Принимаю работы на все виды переплетов. Пишите Являюсь на дом с образцами.

17, rue St-Germain. — Courbevoie (S)

ПРОФ. А. П. МАРКОВ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО СССР

37 диаграмм с объяснен. к ним на русском и англ. языках изд. Общества по изучению современной России. Цена 5 франков. Продажа в редакции «Последних Новостей».

51, rue Turbigo - Paris (3e)

ПЕРЕПИСКА

на русской пишущей машинке

Н. Н. КНОРРИНГ

123, rue du Chateau - Paris (14e)

ПРОФ. А. П. МАРКОВ

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ СССР

26 диаграмм с объяснен. к ним на русск и англ. языках. Цена 3 франка. Продажа в редакции «Последних Новостей».

51, rue Turbigo - Paris (3e)

Librairie et Bibliothèque Universelles

Tél.: Passy 08-40

89, rue de la Pompe - Paris (16e)

Métro: Pompe

ОБШИРНЫЙ ВЫБОР РУССКИХ КНИГ. ВСЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ИЗДАНИЯ, СОВЕТСКИЕ НОВИНКИ, БОГАТЫЙ АНТИКВАРИАТ (пок. и прод.) БОЛЬШОЙ ВЫБОР ДЕТСКОЙ (заруб. и сов.) КНИГИ. ОТПРАВКА КНИГ В ПРОВИНЦИЮ И ЗАГРАНИЦУ.

ИНОСТРАННЫЕ КНИГИ: ФРАНЦ., АНГЛ., НЕМ. И ДР. УЧЕБНИКИ, САМОУЧИТЕЛИ И СЛОВАРИ.

БИБЛИОТЕКА (25.000 т.) НА РУССК., ФРАНЦ., АНГЛ. И НЕМ. ЯЗ.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ НА ЗАРУБЕЖНЫЕ, СОВЕТСКИЕ И ИНОСТРАННЫЕ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ.